

ХУДОЖНИКИ ТЁМНОГО РЕМЕСЛА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктор Муравьёв

Виктор Муравьёв

Художники тёмного ремесла

«Автор»

2026

Муравьёв В.

Художники тёмного ремесла / В. Муравьёв — «Автор», 2026

Два художника. Один пишет красным, другой — чёрным. У каждого свои тени. Однажды они показывают друг другу свои картины — так близко, что холсты соприкасаются. Красное ложится на чёрное, чёрное проступает сквозь красное. Теперь это одна картина на двоих. И носит она одно имя на двоих. Книга не про гениальных антигероев в дорогих костюмах. Не про харизматичных злодеев с философией. А про двух парней. Один настолько отморозен войной, что уже не задаёт вопросов. Второй настолько болен, что не видит разницы между правдой и вымыслом.

© Муравьёв В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Виктор Муравьев

Художники тёмного ремесла

Глава 1

— Ну а ты чем занимаешься? — спросила она, вертя в руках бокал с просекко.

Парень, которого звали Егор, откинулся на стуле, улыбнулся так, будто его только что попросили рассказать главный секрет Вселенной, и начал:

— Да дело-то известное было. По всем газетам писали. Я — известный клонирователь мамонтов. Всю Америку объездил с лекциями. Недавно только прилетел... из Камбоджи.

Девушка слегка приподняла бровь.

— Из Камбоджи?

— Ага. Там, знаешь, выйдешь утром — вокруг тайга, степь непроглядная. Смотришь, а по склону мамонт цокает. Цок-цок, цок-цок. Я его лыжей как дам сверху вниз — прям по горбу! Они, суки, лыж боятся. Сурикатов, лыж... всего боятся.

Он сделал драматическую паузу, как будто рассказывал былинку.

— Ну, даёшь ему по хребтине, за рога хватаешь, сзади пристраиваешься... и начинаешь клонировать. Дело тонкое.

Девушка несколько секунд молча смотрела на него. Потом улыбнулась натянутой, вежливой улыбкой человека, который только что понял, что сидит напротив клинического случая.

— Слушай... я, наверное, пойду. У подружки кошка заболела, надо помочь. Было приятно познакомиться.

Она схватила сумочку и почти бегом направилась к выходу.

Егор пожал плечами, взял вилку и спокойно продолжил есть свой ризотто. Как будто ничего особенного не произошло.

А за соседним столиком сидела другая девушка. Она уже минуты три давилась смехом, прикрывая рот салфеткой. Когда первая девушка исчезла за дверью, она встала, взяла свой бокал и уверенно подсела к Егору.

— Я Мира, — сказала она, всё ещё улыбаясь. — И я готова слушать про клонирование мамонтов дальше. Особенно про ту часть, где ты «пристраиваешься сзади».

Егор посмотрел на неё с искренним интересом и уважением.

— О. Наконец-то нормальный человек.

Мира улыбнулась и решила взять инициативу в свои руки.

— Ну ладно, а я — дизайнер. Графический, в основном брендинг. Недавно компания отправляла в Италию на две недели — стажировка в Милане. Очень красиво, особенно озеро Комо, ты там был?

Егор кивнул, но взгляд у него уже начал стекленеть. Он взял кусок чабатты, отломил маленький кусочек, потом ещё меньше и аккуратно сложил крошки в свою тарелку, как будто строил миниатюрную крепость.

Мира продолжала рассказывать, стараясь не замечать, как он методично разрушает хлеб.

— ...и вот там один итальянец мне говорит: «Мира, у тебя такой глаз на цвет...»

В этот момент Егор резко повернулся к проходившему мимо официанту и с размаху кинул в него горсть крошек.

— Не подслушивай! — громко сказал он. — Я сказал — не подслушивай! Тут тайны страшные рассказывают. Про Турцию всякие, про агентов, наверное, скоро начнётся. А ты тут ходишь, уши греешь, носик свой красивый суёшь куда не попадя!

Официант замер, стряхивая крошки с рукава. В кафе повисла неловкая тишина.

Мира почувствовала, как у неё внутри всё похолодело. «Блядь. Он не просто весёлый. Он реально ебанулся», — подумала она.

Она нервно улыбнулась и попыталась спасти ситуацию:

— Егор, а ты сам чем занимаешься? Учишься или работаешь?

Егор посмотрел на неё с искренним удивлением.

— В смысле «или»? Я учусь работать, кстати. Вот когда я ещё в девичестве был... ну, да неважно. Да, вот тогда я учился. А сейчас учусь работать. Вот такая история.

Мира хохотнула — нервно и коротко, как человек, который понимает, что попал в ловушку.

— Понятно... — протянула она и потянулась за телефоном. — Ладно, я, наверное, пойду.

— Стой здесь, — вдруг серьёзно сказал Егор и поднял обе ладони, как будто сдаваясь. — Никуда не уходи. Я сейчас подойду.

Он встал и быстрым шагом вышел из кафе, даже не оглянувшись.

Мира осталась сидеть. Десять минут. Пятнадцать. Она допила свой коктейль, посмотрела в телефон, потом снова в окно. Егора не было.

Подошёл официант.

— Что-нибудь ещё будете?

— Нет, спасибо. Я, пожалуй, тоже пойду.

— Отлично. С вас семь тысяч восемьсот.

Мира моргнула.

— Простите?

— Столик на двоих. Вы с молодым человеком заказывали. Он ушёл, но заказ был общий.

— Но... он же просто ушёл. Я его вообще первый раз вижу сегодня.

Официант остался вежливым, но твёрдым:

— К сожалению, это ваши проблемы. Вы сидели вместе. Если хотите, я могу вызвать полицию, пусть они разбираются.

Мира несколько секунд сидела молча, чувствуя, как лицо горит. Потом достала карту.

— Ладно...

Когда терминал пискнул, подтверждая оплату, она встала, накинула пальто и тихо, почти про себя, сказала:

— Вот сука...

Придя домой, Мира сразу прошла в гостиную, включила кольцевую лампу, поправила волосы, села поудобнее и начала записывать.

Она включила камеру, сделала грустно-сочувствующее лицо и заговорила мягким, проникновенным голосом:

— Девочки, привет... Я сегодня в таком шоке, просто не знаю даже, как это рассказать.

Мира тяжело вздохнула, глядя прямо в объектив.

— Шла вечером мимо кафе и вижу — сидит парень. Красивый, между прочим, но очень потрёпанный. Глаза усталые, одежда мятая. Я сначала прошла мимо, а потом подумала: «Блин, а вдруг человеку действительно плохо?» Вернулась, подошла и спросила, всё ли в порядке. Он сначала стеснялся, а потом признался, что уже второй день почти ничего не ел.

Она сделала паузу, будто ей самой тяжело об этом говорить.

— Я не смогла пройти мимо. Повела его в ресторан, заказала нормальную еду. И вот там он начал открываться... Оказывается, в детстве мама его постоянно наряжала в девчачью одежду, заставляла отращивать длинные волосы. Он говорил, что до сих пор от этого кошмары снятся. Из-за всего этого в подростковом возрасте он попал в психбольницу. А сейчас... ему даже жить негде толком, денег нет. Родители отказались от него.

Мира грустно покачала головой.

— Я сидела, слушала и просто плакала внутри. Представляете? Такой красивый парень, а жизнь полностью сломана. В конце я дала ему тысячу рублей, чтобы он мог купить хотя бы антидепрессанты. Он сначала отказывался, но я настояла.

Она посмотрела в камеру с лёгкой улыбкой мученицы.

— Не знаю, правильно ли я сделала. Может, надо было просто пройти мимо, как все. Но я не смогла. Напишите в комментариях, как бы вы поступили? Обнимаю вас крепко. И пожалуйста, будьте добрее друг к другу. Мир и так жёсткий.

Мира остановила запись, посмотрела готовое видео и удовлетворённо кивнула.

В описании к сторис она добавила:

«Когда ты просто хотела помочь человеку, а в итоге выслушала целую трагедию... Никогда не знаешь, через что проходит человек рядом с тобой. Будьте внимательнее.»

В это же время Егор шёл по вечернему городу, засунув руки в карманы куртки и что-то тихо напевая себе под нос.

На переходе у светофора стоял мужчина лет сорока в дорогом пальто и полностью залип в телефон. Егор остановился, пару секунд посмотрел на него, а потом вдруг резко подбежал сбоку, присел и сильно дёрнул его за штанину.

— Гав-гав-гав! Гав-гав! — тонко и пискляво затыкал он, как мелкая истеричная болонка.

Мужчина подпрыгнул от ужаса, телефон вылетел из рук, описал дугу и упал на асфальт. От страха он сделал два шага назад — прямо на проезжую часть.

Раздался визг тормозов. Чёрный кроссовер едва успел увернуться, проехав в десяти сантиметрах от него.

— Ты чё, совсем ебанулся?! — заорал водитель, высовываясь из окна.

Люди на тротуаре тоже замерли в шоке.

— Ты больной, что ли?! — закричал мужчина, пятясь обратно на тротуар. — На дорогу кидаться! Совсем с ума сошёл?!

Егор поднялся, отряхнул колени и посмотрел на него с искренним удивлением.

— Я вот помню, однажды случай был, да, в театре. Вот мы тогда... Ух!

— Да пошёл ты нахуй со своей историей! — рявкнул мужик, сжимая кулак и делая шаг вперёд. — Я тебе сейчас ебало разнесу!

В этот момент Егор резко повернул голову вправо, будто увидел кого-то за спиной мужчины, и широко раскрыл глаза.

— А, да вы тоже, да? — сказал он громко, обращаясь в пустоту. — Ууу... А зачем вам эта штука?

Мужчина инстинктивно резко обернулся.

Позади него никого не было. Только пустой тротуар и витрина закрытого магазина.

Когда он снова повернулся — Егора уже не было. Только далёкий хохот раздавался где-то за углом дома. Егор убежал, заливаясь смехом, как ребёнок, который только что удачно подложил кнопку на стул учителю.

Мужчина ещё несколько секунд стоял, тяжело дыша, потом поднял телефон с треснувшим экраном и тихо выругался.

Пробегая между домов через тёмный двор, Егор вдруг резко остановился возле припаркованного чёрного внедорожника. Огляделся по сторонам, расстегнул ширинку и начал уверенно писать прямо на капот.

При этом он специально повернулся лицом к лобовому стеклу, посмотрел прямо в объектив видеорегистратора и улыбнулся — широко, искренне, почти по-доброму, как старому знакомому. Будто говорил: «Привет, камера, это я, всё нормально».

Закончив, он аккуратно потряс по переднему колесу, застегнул ширинку и уже собирался бежать дальше, когда сверху, с балкона второго этажа, высунулся мужик в майке.

— Ты чё у машины-то?! — крикнул он недовольно, но не агрессивно.

Егор поднял голову. Мужик смотрел на него спокойно, почти по-отечески.
— Отойдите, пожалуйста, — добавил он вежливо.

Егор радостно заулыбался, как будто его только что похвалили, и помахал рукой — мелко и часто, как маленький ребёнок, которого попросили попрощаться с бабушкой. Потом подпрыгнул на одной ноге, приподнимая колено, и поскакал дальше между машин, напевая что-то себе под нос.

Через двадцать минут он уже зашёл в свою квартиру. Захлопнул дверь, не включая свет, прошёл в комнату и тяжело плюхнулся на старый диван.

Глава 2

Он не включал свет. Просто сидел в темноте, чувствуя, как пульс постепенно замедляется. Адреналин всё ещё гулял где-то под кожей, но уже не жёг, а приятно покалывал.

Потом встал, прошёл в ванную и включил яркий свет над зеркалом.

Из отражения на него смотрел тот самый парень — с чуть придурковатой улыбкой, слегка выпученными глазами и неестественно широкими скулами. Тот, что час назад тьякал на светофоре, кидался крошками в официанта и писал на капот внедорожника.

Он усмехнулся отражению и начал работать.

Сначала парик. Потянул за край — тот отошёл с характерным влажным звуком. Под ним оказались короткие тёмные волосы, примятые после нескольких часов под латексной шапочкой. Он бросил парик в раковину.

Потом нос. Аккуратно поддел ногтем край накладки на переносице, медленно потянул. Тонкий слой специального клея отошёл без боли — за годы практики кожа привыкла. Настоящий нос оказался чуть уже, с едва заметной горбинкой.

Скулы. Он надавил пальцами под скуловыми костями, нашёл край накладок и осторожно отслоил их. Лицо менялось на глазах — уходила дурацкая округлость, проступали настоящие, более острые черты.

Он включил воду, намочил ватный диск специальным средством и начал смывать грим — плотный тональный слой, который менял оттенок кожи, тени, делавшие глаза более глубокими, карандаш, менявший форму бровей. Через несколько минут отражение стало чужим. Совсем другим человеком.

Максим стянул футболку. Под ней оказался компрессионный костюм с поролоновыми вставками на плечах, груди и животе — он создавал иллюзию коренастого, плотного телосложения. Костюм полетел на пол. Теперь в зеркале отражалось худое, жилистое тело — плечи уже, грудная клетка плоская, ключицы торчат.

Он умылся ледяной водой, растёр лицо полотенцем, накинул чистую чёрную футболку и вышел в тёмную комнату.

Сел на диван. Откинул голову. Закрыв глаза.

Прошло минут сорок.

И тут — звук. Едва слышный, но знакомый до мурашек.

Ключ вошёл в замочную скважину.

Он открыл глаза. Движение было мгновенным и бесшумным — рука нырнула под подушку дивана, выхватила пистолет. Через секунду он уже стоял за углом коридора, прижавшись спиной к стене. Дыхание ровное. Палец на спусковом крючке.

Замок щёлкнул. Дверь открылась. В прихожую ступил кто-то тяжёлый, в уличной обуви. — Свои, — раздался спокойный голос из темноты.

Он выдохнул. Пистолет ушёл за спину, придерживаемый большим пальцем.

Из коридора в комнату шагнул настоящий Егор — киллер, ради которого всё это затевалось.

В неярком свете уличного фонаря, пробивавшемся сквозь шторы, он выглядел странно — лицо чужое, незнакомое. Другой нос. Другие скулы. Другая форма подбородка. Совершенно посторонний мужик лет тридцати пяти, уставший и слегка сутулый. Одет в тёмную толстовку и джинсы. Ничего общего с тем парнем, которого весь вечер видели в городе. Ничего общего с тем, кто стоял сейчас у стены с пистолетом за спиной.

Они встретились взглядами. Кивнули друг другу — коротко, без слов.

Вошедший прошёл в ванную. Зажёг свет. Дверь оставил открытой.

Он работал так же быстро и привычно. Парик. Накладки на нос и подбородок. Грим. Через несколько минут из ванной вышел человек, которого читатель уже видел. Лицо, знакомое по первой главе. То самое — Егора, с придурковатой улыбкой, широкими скулами и выпученными глазами. Лицо, которое весь вечер светилось в городе.

Теперь настоящий Егор выглядел как тот самый псих, которого сегодня видели в кафе, на переходе и у машины. Но это лицо — всего лишь маска. Сегодня её носил Максим, а теперь её надел Егор. Завтра её может надеть кто угодно.

Он молча прошёл в комнату, сел в кресло напротив дивана. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. Потом тот, что сидел на диване, встал, подошёл к старому серванту и достал бутылку виски и два стакана.

Поставил на стол. Плеснул на два пальца. Один стакан подвинул гостю.

Тот взял, покрутил в пальцах.

— Ну? — спросил он, глядя в янтарную жидкость.

— Нормально, — ответил хозяин квартиры, опускаясь обратно на диван. — Всё по времени. В кафе, на переходе, у машины. Свидетелей полно.

— Запомнили?

— Ещё как. Особенно мужик, которому ты на капот нассал. Он, по-моему, до сих пор орёт.

Тот, что сидел в кресле, хмыкнул. Поднял стакан.

— Ну, за успех.

— За успех.

Чокнулись. Выпили.

Пауза.

— А у тебя как? — спросил Максим. — Получилось снять без шума?

Настоящий Егор пожал плечами.

— Нормально получилось. Никто не видел, никто не слышал. Я ж в другом лице был.

— На этом всё?

— На этом всё.

Они помолчали. Егор покрутил пустой стакан в пальцах, потом посмотрел на бутылку — там оставалось ещё на доньшке.

— Ну что... допьём или пора?

— Давай допьём, — сказал Максим. — И набирай.

Он разлил остатки. Выпили молча, не чокаясь.

Максим достал телефон и набрал в платную скорую.

— Алло? Скорая? Тут такое дело... Друг с ума сошёл. Сидит, несёт какую-то чушь. Я его связал на всякий случай. Приезжайте.

Продиктовал адрес и нажал отбой.

— Давай, — сказал он, убирая телефон. — Пошли.

Они поднялись. Егор пересел на тяжёлый деревянный стул в углу комнаты, завёл руки за спинку. Максим достал моток верёвки и быстро, умело примотал его запястья к перекладинам. Не туго, но убедительно.

— Нормально? — спросил он.

— Терпимо, — ответил Егор. — Только не переигрывай там.

— Я? Обижаешь.

Минут через сорок в дверь позвонили. Максим пошёл открывать.

На пороге стояли двое санитаров и врач — женщина лет сорока с усталыми глазами и планшетом в руках.

— Это вы звонили? — спросила она, заглядывая в коридор.

— Я, да. Проходите, пожалуйста.

Врач шагнула внутрь, санитары зашли следом. В комнате их взгляду открылась картина: мужчина, привязанный к стулу, с мутным взглядом и полуоткрытым ртом. На полу — пустая бутылка виски и два стакана. В воздухе — запах перегара.

Врач подошла к Егору, проверила пульс, посветила в зрачки.

— Сколько он пьёт?

— Ну... — Максим потёр затылок, — я думаю, дня три. Он на связь три дня не выходил. Я приехал проверить. Ну, сели, выпили по стаканчику. Смотрю — он невменяемый вообще. Несёт какую-то чушь.

— Какую именно? — врач подняла бровь.

— Да вы не поверите. Рассказывает про енотов. Что у него в анусе живут два енота. Именно два. И пытается мне доказать, что я просто не понимаю. А я понимаю. В том-то и дело, что я понимаю.

Врач на секунду замерла. Потом уголки её губ дрогнули, и она коротко хмыкнула, прикрывая рот рукой. Санитары переглянулись — один из них тоже улыбнулся.

— Понятно, — сказала она, возвращая себе профессиональное выражение лица. — Алкогольный психоз. Забираем.

Санитары отвязали Егора. Тот не сопротивлялся, только голова болталась. Когда его поднимали, он пробормотал что-то неразборчивое.

— Что он говорит? — спросил врач.

— Не знаю, — пожал плечами Максим. — Может, опять про енотов.

Врач ещё раз хмыкнула и пошла к выходу. Санитары повели Егора к машине.

— Вы его друг? — спросила она уже в дверях.

— Друг, да.

— Завтра можете приехать, узнать о состоянии. Скорее всего, прокапаем и через пару дней будет в порядке. Если захочет лечиться, конечно.

— Спасибо. Обязательно приеду.

Дверь закрылась. Максим постоял немного в тишине, потом прошёл на кухню, взял со стола телефон Егора, сунул в карман. Выключил свет. Вышел, закрыл квартиру на ключ.

Через час он сидел в своём доме. Пригород, тихий район, панорамные окна. Внутри — дорогой диван, огромный телевизор, на стене — коллекционные геймпады в рамках.

Максим развалился в кресле перед экраном. В руках — руль. На ногах — педали. На экране — Formula 1, трасса в Монако. Он вошёл в поворот, сбросил газ, переключил передачу и вышел из виража, почти не теряя скорости.

— Красава, — сказал он себе под нос.

Сделал ещё пару кругов, потом поставил на паузу. Взял телефон, открыл календарь. Проллистал завтрашнее расписание.

— Ага... в полдень можно будет за ним приехать.

Телефон снова мигнул. Он бросил взгляд на экран — уведомление из закрытого менеджера. Поставил игру на паузу, открыл приложение. Входящий перевод. Сумма — как договаривались.

Максим кивнул сам себе и пролистал дальше. Открыл телеграм, пробежался по новостным каналам.

«ЧП в центре города. Покушение на известного предпринимателя. Пострадавший госпитализирован в тяжёлом состоянии. Основной подозреваемый — его прямой конкурент. Возбуждено уголовное дело.»

Максим прочитал, хмыкнул и отложил телефон.

— Ой, — сказал он, растягивая слово, — как и заказывали.

Максим откинулся в кресле, положив руль на колени. На экране виртуальная машина всё ещё стояла на поул-позиции в Монако.

Он тихо усмехнулся, глядя в потолок.

«Интересная штука жизнь. Мы с другом уже четвёртый раз меняемся лицами. Он надевает чужую рожу и идёт делать грязную работу. А я надеваю его — и устраиваю цирк. Чисто. Почти элегантно.»

Потом снова взял руль, убрал паузу и резко ускорился на стартовой прямой. Двигатель на экране взревел.

Глава 3

Будильник зазвонил.

Максим дёрнулся, открыл глаза и ещё ничего не понимая — ни где он, ни который час, ни почему так противно дребезжит телефон, — выкрикнул в темноту:

— Это не я насрал в раковину!

Голос прозвучал чужим — хриплым, испуганным.

В комнате было тихо. Он сел на кровати, свесил ноги. Нашёл тапки.

Встал, прошёл на кухню, выпил полстакана воды из-под крана. Не раздеваясь вчера лёг, поэтому собираться почти не пришлось — только переобуться в кеды и накинуть сверху толстовку на молнии. В карманах уже лежали ключи, телефон и карта.

Максим вышел на крыльцо.

Утро было серым, но без дождя. Частный сектор просыпался медленно — где-то за забором лаяла собака, через дорогу хлопнула калитка. Узкая улица с одноэтажными домами, палисадниками и вечно мокрым асфальтом после ночной поливалки.

На придомовой стоянке, залитой старым бетоном, стояли две машины.

Первая — оранжевая «копейка». «Жигули», сошедшие с конвейера в лучшие годы ушедшей эпохи. Её оранжевый кузов, ещё сохранивший заводской блеск, казался кусочком тёплого, почти игрушечного прошлого на фоне серого утра. Она стояла на слегка спущенных шинах, готовая вот-вот чихнуть, закашляться и покатить своего хозяина по делам. В ней была душа, но не было ни капли пафоса.

Рядом, метрах в двух от неё, замерла вторая.

Она была полной противоположностью. Чёрная. Низкая. Агрессивная. Настолько низкая, что, казалось, не стояла на асфальте, а стелилась по нему. Кузов из чёрного карбона отполирован до зеркального блеска, вбирая в себя остатки утреннего света. Это был не просто автомобиль — застывшее движение, сгусток мощи и высоких технологий, который стоил как десяток таких домов, что стояли вокруг.

В этом дворе, среди старой мебели на верандах и бетонных плит с лужицами масла, эта машина выглядела абсолютно чуждо. Как космический корабль, приземлившийся посреди захолустной деревни.

Максим не посмотрел на неё. Открыл дверь «копейки» — та привычно скрипнула — плюхнулся на водительское сиденье.

Максим доехал до клиники за сорок минут.

Частная психиатрическая клиника располагалась на тихой улице в юго-западном районе. Белое двухэтажное здание, крыльцо, металлическая дверь. Без вывесок. Без заборов с колючкой — здесь всё тихо и прилично, потому что клиника для тех, у кого есть деньги и не нужно шума.

Максим припарковался у входа, заглушил двигатель. Вылез.

Внутри пахло хлоркой и казённой тишиной. Коридоры пустые, свет под потолком горит ровно, без мерцания. Регистратура — маленькое окошко в стене, за которым сидела женщина лет пятидесяти в белом халате. Очки на цепочке.

Максим остановился перед окошком.

— Здравствуйте. Я к Егору. Забираю, — сказал он.

Женщина подняла глаза поверх очков.

— Фамилия?

— Моя? — переспросил Максим.

— Егора, — уточнила женщина.

— Сорокин.

Она посмотрела в компьютер, что-то щёлкнула мышкой.

— Пятнадцать тысяч рублей, пожалуйста.

Максим достал карту, протянул в окошко. Женщина провела по терминалу, вернула карту вместе с чеком.

— Подождите в коридоре, — сказала она. — Его сейчас выведут.

Максим отошёл от окошка, прислонился плечом к стене. Коридор был пустым, свет под потолком горел ровно, без мерцания. Где-то далеко хлопнула дверь, послышались шаги.

Через несколько минут дверь с металлической ручкой открылась.

Вышел Егор.

Не тот, которого вчера везли на скорой — с мутными глазами, болтающейся головой и несвязной речью. Другой. Трезвый, спокойный, с лёгкой полуулыбкой на лице. Тёмная толстовка, джинсы, кеды — всё то же, в чём его вчера забрали. Волосы чуть влажные, будто только что из-под душа.

За ним из двери выглянула медсестра — молодая, с усталыми глазами и коротким хвостиком на затылке.

Егор обернулся к ней.

— Спасибо вам, — сказал он. — Вы меня просто спасли. Я теперь буду по ночам заклинания читать, чтобы у вас всё было хорошо.

Медсестра улыбнулась — натянуто, но искренне.

— Вы главное таблетки не бросайте, — ответила она.

— Обижаете, — Егор приложил руку к груди. — Я теперь здоров, как космонавт.

Он протянул руку. Медсестра чуть замешкалась, но пожала — коротко, по-деловому.

— Выписали — и до свидания, — сказала она уже строже, но улыбка осталась.

Егор кивнул и повернулся к Максиму.

— Погнали.

Они вышли на улицу. Егор сел на пассажирское сиденье «копейки», Максим — за руль. Дверь привычно скрипнула. Максим повернул ключ — двигатель чихнул, завёлся.

Они выехали со стоянки и через минуту уже катили по тихой улице мимо частных домов и низких заборов.

Радио не играло — приёмник шипел мёртвым шумом, и Максим его выключил. В салоне стало тихо. Только двигатель мерно гудел где-то под капотом, да изредка постукивала подвеска.

Они проехали светофор, потом второй. Город просыпался — по тротуарам уже шли люди, у ларьков толпились первые покупатели.

Максим посмотрел в зеркало заднего вида, перестроился в левый ряд и сказал негромко, будто продолжая давно начатый разговор:

— Знаешь что?

— Что? — спросил Егор, глядя в окно.

— Про «Спокойной ночи, малыши» слышал историю?

— Ну.

— В феврале семьдесят первого года Хрюша впервые появился в эфире. Но изначально главным героем был не он.

Егор повернул голову.

— Там был Ерошка, — продолжал Максим. — И прямо перед эфиром его кукла сломалась. До выхода в кадр — минуты. Авторы в панике. Нашли на складе какую-то куклу — розового поросёнка. Срочно одели его в костюмчик и пустили в эфир.

— И что сказали зрителям?

— А сказали, что Ерошку наказали за плохое поведение. Злой волшебник Ухтыш превратил его в свинью.

Егор усмехнулся.

— Да кругом обман, — сказал он тихо.

Максим ничего не ответил. Выжал газ, обогнал медленную маршрутку и снова сбросил скорость.

Они свернули на грунтовку, объехал яму, притормозил у железных ворот. Ворота были открыты. За ними — просторный двор, залитый серым бетоном. У крыльца — несколько мотоциклов, накрытых чехлами. Рядом — ни одной машины. Тихо.

Он припарковался у самого входа, заглушил двигатель.

Над дверью висела вывеска. Деревянная, старая, с потрескавшейся краской. На ней был нарисован ангел — не церковный, а какой-то свой: с расправленными крыльями, в кожаной жилетке, с длинными волосами, развевающимися на ветру.

«Беспечный ангел»

Они вылезли из машины и вошли внутрь.

Бар был пуст. Тяжёлый полумрак, промасленный воздух, запах старого дерева и табака. Пол тёмный, дощатый, скрипучий. Столы дубовые, с зазубринами — их не меняли со дня открытия. На стенах — старые фотографии, номерные знаки с разных штатов, выцветшие флаги. За стойкой — высокие табуреты с продавленными кожаными сиденьями.

Днём здесь всегда было тихо. Мотоциклы спали под чехлами во дворе, байкеры разъезжались по своим делам, и бар принадлежал только Вадимычу.

Вадимыч стоял за стойкой — коренастый, седой, с руками в татуировках, которые уже начали расплываться от времени. Увидел вошедших, отложил полотенце, вышел из-за стойки.

— О, приплыли, — сказал он негромко и по очереди обнял каждого. Максима — по дружески, похлопал по спине. Егора — чуть дольше, будто проверяя, целый ли.

— Давно вас не было, — сказал Вадимыч, отстраняясь.

— Дела, — ответил Егор.

Вадимыч кивнул, не уточняя. Прошёл к дальнему столу у окна, жестом приглашая садиться. Вернулся к стойке, взял бутылку виски и два стакана. Поставил на стол. Не спрашивая, налил обоим на два пальца.

— Если что — я у себя, — сказал он и ушёл за стойку, оставив их одних.

Максим и Егор выпили. Не чокаясь.

Егор поставил стакан, посмотрел на бутылку.

— Перевели? — спросил он.

— Вчера уже, — ответил Максим. — Острухова вечером увезли.

— А охранника? — спросил Егор.

— Того самого? — переспросил Максим. — Пока нет. Но бычок на крыше нашли. Наш. Егор кивнул, усмехнулся.

— Если мы так чисто подставили одного, — сказал Максим, — то и от неё в любой момент можем избавиться. По той же схеме.

— Значит, заказчица это понимает, — ответил Егор. — Будет думать, как убрать нас.

— Пусть думает, — сказал Максим и налил ещё.

— Связной мёртв уже три дня, — продолжал Максим. — Её выхода на нас нет. Вообще.

— Знаю, — сказал Егор.

— Но если она начнёт копать через деньги, через читы, через даркнет... — Максим сделал паузу.

— Нет-нет, да что-то всплывёт.

Егор взял стакан, но не пил.

— Ты к чему? — спросил он.

— К тому, что, может, нам первыми снять Лефинцеву? — сказал Максим.

Егор посмотрел на него. Не удивлённо. Спокойно. Взвешивая.

Максим откинулся на стуле, покрутил пустой стакан в пальцах.

— Это не всё, — сказал он. — Есть ещё заказ.

Егор поднял глаза.

— Какой?

— Дед. С наследством. Внучка хочет его добить. Но она первая подозреваемая, если что-то случится.

— Естественная, — сказал Егор.

— Именно. Нужно, чтобы выглядело как несчастный случай или болезнь. Не подкопаться.

Максим помолчал, потом продолжил:

— У деда дома террариум. Ящеры, змеи, пауки. И улитки.

— Улитки? — переспросил Егор.

— Обычные улитки. Большие, сухопутные. Он их коллекционирует.

Егор ждал.

— Я придумал, — сказал Максим. — С фильтром для воды.

Он налил себе ещё виски, но пить не стал.

— Улитки маленькие. Они заползают в кран или в картридж сами. Ищут влагу, тепло. Пользователь не знает. Семья уезжает на три-четыре дня. Вода в фильтре застаивается. Улиткидохнут. Трупы разлагаются. Вырабатывается сероводород.

Егор слушал внимательно, не перебивая.

— Они возвращаются, — продолжал Максим. — Вода пахнет тухлым. Но фильтр современный, угольный — может замаскировать запах. Первый глоток — или просто вдох у крана.

— Смерть? — спросил Егор.

— Либо сразу. Газ нервно-паралитический — упал замертво. Либо через двенадцать-двадцать четыре часа. Холера, тиф. Мучительно. В больнице.

Егор усмехнулся.

— Она амбициозна, нетерпелива и склонна к самостоятельным решениям...

— А улитки — своя же коллекция. Никто не докажет, что их туда положили. Они сами заползают. Если живут в фильтре больше суток — вода становится смертельно опасной в любом случае. Сероводород или супербактерии, которыми кишели улитки.

— Красиво, — сказал Егор.

Максим кивнул.

— Внучка сама организует. Скажем ей, пусть накинёт деду поездку куда-нибудь. Санаторий, дача, что угодно. Дня на три.

— А если не получится?

— Есть другой вариант. Занесём тараканов.

Егор усмехнулся.

— Тараканов?

— Через внучку. Она сама подкинёт. Потом вызовет дезинфекцию. Пока будут травить — у нас будет полдня. За это время спокойно провернём всё с фильтром.

— Реально травить будем? — спросил Егор.

— Конечно, — ответил Максим. — А то подозрительно выйдет. Приедут, увидят, что чисто, а тараканов нет. Запах, следы обработки должны быть. Всё по-настоящему.

Егор помолчал.

— Кэш?

— Хорошие. Внучка платит.

Егор кивнул и допил виски.

— Добро, — сказал он. — Готовим тараканов и резервный форс-мажорный расклад.

Глава 4

Телевизор работал без звука уже полчаса. Егор сидел в кресле, положив ногу на ногу, и смотрел на мелькание картинок, как смотрит на костёр — не вникая, но не в силах оторваться. Он переключил канал.

Лицо блондинки в пиджаке. Бегущая строка внизу. Знакомый силуэт многоэтажки за её спиной.

Он прибавил звук.

«...продолжение громкого дела о покушении на предпринимателя Сальникова. Напомним, на прошлой неделе в центре города был тяжело ранен бизнесмен Олег Сальников...»

Егор выпрямился в кресле.

«...по подозрению в организации покушения задержан его прямой конкурент Аркадий Острухов. Однако сегодня появились новые детали...»

На экране сменилась картинка. Вертолётная съёмка крыши. Серая бетонная плита. Специалисты в белых костюмах склонились над чем-то, чего не видно.

— *Как стало известно нашему каналу, на крыше дома, откуда велась стрельба, обнаружены вещественные доказательства...*

Он уже знал, что она скажет. Но всё равно слушал.

— *...найдена снайперская винтовка. А на ней — окуроч, ДНК которого совпадает с ДНК охранника Олега Куприянова, работавшего на господина Острухова.*

Егор кивнул сам себе.

— *Молодцы. Нашли.*

— *Сам Куприянов в настоящий момент не найден. Его квартира пуста, телефон отключен. Рассматривается версия, что он мог скрыться за границу или... быть ликвидирован заказчиками.*

«Или всё сразу, — подумал Егор. — Или ни то, ни другое. Потому что Олега Куприянова не существует в том виде, в каком его ищут. Есть парень, который один раз надел его лицо. На четыре часа. И теперь это лицо — главный подозреваемый в покушении».

Он усмехнулся.

На экране появилась запись с домофона. Размытая, но читаемая — фигура в спортивной кофте с сумкой через плечо заходит в подъезд.

Та же камера. Спустя время. Фигура выходит. Без сумки. И на секунду поворачивает голову в сторону объектива.

— А вот снимок с камеры видеонаблюдения в лифте, — голос за кадром стал чуть торжественнее. — По нему сейчас и устанавливают личность подозреваемого.

Крупный план.

Егор увидел своё лицо.

То, которое он надел в тот вечер. Чужое. Чужое до такой степени, что сейчас, глядя на него со стороны, он почувствовал лёгкое отвращение — как к незнакомцу, который случайно зашёл в твою комнату.

«Олег Куприянов. Охранник Острухова. Снимок в лифте. Окуроч на крыше. Винтовка с его пальчиками. Если бы я не знал, что это я, — я бы поверил».

Он выключил звук.

Тишина ударила в уши.

Телефон завибрировал на столе — на экране высветилось: «Макс».

— Да.

— Анна готова встретиться. Сегодня. В четыре. В парке, у фонтана.

Егор допил кофе.

— Приеду.

— Жду, — сказал Максим и отключился.

Такси подъехало через пятнадцать минут. Егор сел на заднее сиденье, назвал адрес, и водитель молча кивнул.

Город плыл за окном. Площади. Светофоры. Люди, которые торопились по своим делам и не знали, что рядом с ними едет человек, умеющий надевать чужие лица.

Егор смотрел на них без интереса.

Через полчаса такси остановилось у входа в парк. Егор расплатился, вышел. Свежий ветер пахнул в лицо — влажный, почти осенний, хотя до осени было далеко. Дорожки, выложенные плиткой, вели вглубь. Старые липы. Лавочки. Дети с мороженым.

Он пошёл к фонтану.

Максим сидел на скамейке, закинув ногу на ногу, и что-то увлечённо рассказывал. Рядом, чуть повернувшись к нему корпусом, слушала девушка.

Анна.

Егор видел её впервые. Лет двадцать пять—двадцать семь, тёмные волосы собраны в низкий хвост, лицо спокойное, глаза быстрые и цепкие. Обычная, если не присматриваться. Но Максим говорил не просто так — он её «прощупывал», разгонял лёд, проверял реакцию.

Егор подошёл, кивнул, молча сел рядом.

Максим не прервался. Он как раз доходил до кульминации.

— ...и вот, представляешь, голотурия — это такой морской огурец, безобидный на вид. Но в случае опасности он делает вот что.

Анна смотрела на него с лёгкой улыбкой — любопытство плюс недоверие.

— Выворачивает свои внутренности через задний проход. — Максим даже слегка подался вперёд, подчёркивая важность момента. — И съедает их обратно.

Анна поморгала.

— Съедает?

— Обратно. Да. Но это не всё. В 2014 году биологи выяснили: в этих «выплюнутых кишках» содержится голотурин — токсин, который убивает всех рыб в аквариуме наповал. То есть голотурия буквально разбрасывается ядерными отходами из собственного ануса, чтобы потом их съесть.

Наступила тишина. Анна смотрела на Максима так, будто решала: смеяться или встать и уйти.

— ...и зачем ты мне это рассказываешь? — спросила она.

Максим пожал плечами и улыбнулся.

— Просто к слову. Ты спросила про море.

— Я спросила, был ли ты на море.

— А я что ответил?

Анна фыркнула, но не зло. Егор сидел молча, наблюдая. Он знал этот приём Максима — сначала абсурд, смесь ужаса и улыбки, чтобы сбить с человека защитную серьёзность. Если собеседник остаётся после такого — с ним можно работать.

Анна осталась.

— А твой друг всегда такой? — спросила она, кивнув на Егора.

— Мой друг вообще не разговаривает, — сказал Максим. — Это его суперсила.

Анна усмехнулась. Потом посмотрела на Егора уже по-другому — внимательно, почти оценивающе.

— Ладно, — сказала она. — Давай к делу.

Максим выпрямился на скамейке. Улыбка сползла, сменилась ровным, деловым выражением.

— Ты знаешь, чего хочешь. Мы знаем, как это сделать.

— Я хочу, чтобы он умер, — сказала Анна спокойно, без дрожи в голосе. — Без лишнего шума. Без трупов на виду. Без подозрений на меня.

— Естественная смерть, — кивнул Максим. — Дед дома. Смотрит телевизор. Пьёт воду. Через пару дней — больница. Инфекция. Врачи разводят руками.

— Как?

Максим наклонился чуть ближе. Егор сидел неподвижно, как каменное изваяние — он здесь скорее как гарантия, чем как переговорщик.

— У твоего деда дома террариум. Улитки. Они живут в тепле, во влажности. Ты знаешь, что они могут заползти в фильтр для воды?

— Могут? — Анна прищурилась.

— Если их туда положить. — Максим улыбнулся краем рта. — Фильтр стоит под мойкой. Улитки внутри — вода течёт через них. Бактерии попадают в организм. Не сразу. На третий-четвёртый день — сильное отравление. Кишечная инфекция. Сердце не выдерживает.

Анна молчала, слушала.

— Твоя задача простая, — продолжил Максим. — Тебе нужно, чтобы деда не было дома три-четыре часа. Это всё.

— Три-четыре часа?

— Да. Этого достаточно.

— Как я это сделаю?

Максим полез в карман куртки и достал спичечный коробок.

Анна посмотрела на него с недоумением. Он протянул коробок ей — и слегка приоткрыл. Внутри, на серой картонной подложке, шевелил усами тёмно-коричневый таракан.

Она не вздрогнула. Не отшатнулась. Просто смотрела.

— Ты приходишь к деду в гости. Идёшь в ванную или на кухню. Открываешь любой ящик — там, где темно, где лежат старые тряпки, коробки, бытовая химия. Достать этот коробок. Открываешь. Делаешь вид, что ты в шоке. И зовёшь деда.

— Чтобы он увидел таракана?

— Чтобы он сам понял, что проблема есть. Ты не предлагаешь вызвать дезинфекцию — ты говоришь: «Деда, это ужас, я звоню». И звонишь. Приедет служба, обработает квартиру, скажет уйти на три-четыре часа.

— А где в это время будешь ты?

— Я буду в квартире. — Максим кивнул на Егора. — Мы будем.

Анна посмотрела на Егора. Тот сидел с непроницаемым лицом, как человек, который слышит этот разговор в тысячный раз.

— И что вы сделаете?

— Положим улиток в фильтр. Три минуты работы. Потом уйдём. Ключи оставим в ящике для газет, как договоримся. Ты вернёшься первой или дед — неважно.

— А если дед не захочет уходить?

— Захочет. Скажут, что дышать опасно, что химия ядовитая. Старики слушаются, — сказал Максим без тени иронии. — Тем более когда внучка рядом и говорит, что всё под контролем.

Анна взяла спичечный коробок, сунула в карман, посмотрела на обоих — и вдруг усмехнулась.

— Слушайте, а нахрена вы мне вообще нужны?

Максим не успел открыть рот.

— Я серьёзно, — продолжила она, чуть наклонив голову. — Улиток я и сама в фильтр закину. Таракана подбросить — не квантовая физика. Деда выгнать — уговорю. Зачем мне вы, лохи?

Она развернулась и пошла по аллее. Быстро, уверенно. Не оглядываясь.

Максим смотрел ей вслед. Егор — тоже.

Спичечный коробок исчез в её кармане, но это было уже неважно.

Повисла пауза.

Максим медленно повернулся к Егору.

— Ну и зачем ты ей весь план рассказал?

Егор даже бровью не повёл.

— Смешно, — сказал он. И хмыкнул.

Максим с секунду смотрел на него, потом вздохнул, потёр переносицу и кивнул.

— Ладно. Пошли.

Они поднялись со скамейки и пошли к выходу из парка.

Солнце висело низко, но всё ещё грело. Тени от лип ложились на дорожки длинными полосами. Где-то ворковали голуби. Дети с мороженым уже ушли, на их месте сидела старушка с пакетом семечек и кормила воробьёв.

Максим и Егор вышли на улицу, свернули к ларьку. Белая пластиковая палатка, облепленная ценниками, пахло жареным мясом, луком и дешёвым соусом.

— Две шаурмы, — сказал Максим продавцу. — Острую. И две кока-колы.

Егор прислонился к столбу, засунув руки в карманы.

Ждали молча. Продавец шустро нарезал мясо, закрутил лаваш, бросил на гриль — шипение, пар, запах.

Через пять минут они стояли в тени дерева, держа в руках горячие треугольники в фольге, и ели.

Максим откусил, прожевал.

— Солнечный день, — сказал он. — На редкость.

Егор посмотрел на небо. Голубое. Чистое. Ни облачка.

— Да, — ответил он. — Сегодня очень солнечно.

Он откусил ещё раз, прожевал и, не переставая жевать, достал из кармана телефон. Покрутил в пальцах, нажал на кнопку.

Максим глянул на него.

— Всё на диктофон записал?

— Ага, — ответил Егор, не поднимая глаз.

Максим усмехнулся, откусил шаурму, прожевал.

— Удобно получается. Половина наследства — и нам даже руки марать не пришлось.

Просто шантажом.

Егор цокнул языком — грустно, почти сожалея.

— Жалко, что только через пол года её обрадуем.

Максим пожал плечами, дожёвывая.

— Ну что ж поделать... Инвестиции.

Они доели шаурму молча, стоя плечом к плечу. Солнце всё так же светило, ветер шевелил бумажки на асфальте. Продавец за ларьком пересчитывал сдачу. Мимо прошла женщина с коляской.

Глава 5

Максим проснулся с криком:

— Не трогайте яички пионера!

Он резко сел на кровати, дико оглядываясь. В комнате никого не было. Ровный серый свет сочился сквозь шторы. Где-то за стеной тикали часы.

— Твою мать, — выдохнул он, потёр лицо и сел на край кровати.

Встал, нашарил тапки и, всё ещё тяжело дыша, поплёлся в коридор.

Там он остановился, посмотрел на свою правую коленку и сказал обычным, будничным голосом:

— Алиса, включи пылесос в ванной.

Из ниоткуда раздался мягкий женский голос:

— Включаю.

Где-то в глубине квартиры негромко загудел мотор.

Максим кивнул, удовлетворённый, и пошёл дальше.

Он прошёл по коридору мимо зеркальной стены. Но зеркало было не обычным — когда он поравнялся с ним, стекло бесшумно уехало в стену, открывая проход. Максим шагнул внутрь, даже не взглянув в сторону.

Комната оказалась небольшой, без окон. Свет включился автоматически — холодный, ровный, операционный.

В центре стоял верстак. На нём — ряды микросхем, платы, тонкие пинцеты, лупа на кронштейне, несколько катушек с проволокой. Рядом — аккуратные стопки одежды: футболки разных цветов, куртки, джинсы, несколько пар обуви на отдельной полке.

В углу — стойка с париками. Короткие, длинные, светлые, тёмные, с проседью, с чёлкой. Под ними на крючках висели накладки для носа, скул, подбородка — силиконовые, разных оттенков, подписаны тонким маркером: «Егор», «Охранник», «Курьер», «Врач».

Дальше — шкаф для грима. Открытый, трёхуровневый. Банки, тюбики, кисти, спонжи. Всё разложено по ячейкам, как в аптеке.

Максим прошёл к верстаку, сел на высокий табурет, взял в руки маленькую плату и поднёс к глазам.

— Так, — сказал он тихо. — Посмотрим, что у нас тут...

Устройство было маленьким — размером со спичечный коробок, но тоньше. Плата, процессор, крошечный аккумулятор. И тонкая, почти невидимая полоска, которая крепилась на угол зеркала и транслировала картинку прямо на стекло.

Максим подключил устройство к ноутбуку, закинул тестовое видео — короткую монтажку, где лицо сменялось другим лицом в такт сердцебиению. Изображение на экране заморгало, потом выровнялось.

— Работает, — сказал он сам себе.

Проверил ещё раз. Запись шла без задержек, полоска на зеркале мигала едва заметным синим огоньком. Он кивнул, отложил устройство в сторону и взял планшет.

На экране — фото девушки. Паспортное. Лицо прямо, взгляд в объектив, без улыбки, без эмоций. Обычное русское лицо: светлые волосы, глаза чуть навывкате, тонкие губы, родинка над бровью.

Максим приблизил снимок, развернул планшет на подставке и начал работать.

Сначала основа. Тонкий слой тона, чтобы выровнять цвет. Потом тени под глазами — глубже, чем на фото, потому что на видео это будет смотреться естественнее. Контуринг скул — женских, округлых, совсем не похожих на его собственные. Он двигал кистью быстро, уверенно, будто делал это сотни раз. Что, в общем-то, было правдой.

Полчаса спустя в зеркале стояла девушка.

Не точная копия фото — лучше. Живая. С румянцем, с чуть приоткрытыми губами, с взглядом, которого не было на паспортной карточке.

Максим повертел головой, прищурился, поправил парик — длинный, светлый, до плеч. Потом отодвинулся от зеркала и вздохнул.

— Ладно, — сказал он и встал.

На стене висела белая ткань — гладкая, без единой складки. Он раскатал её пошире, закрепил магнитами. Получился чистый фон — как в фотостудии, только дешевле.

Максим сел перед камерой на табурет. Включил запись.

Несколько секунд он просто сидел и смотрел в объектив. Спокойно. Нейтрально. Потом медленно повернул голову влево. Замер. Потом вправо.

Всё.

Остановил запись.

Прокрутил. Нормально.

Он взял маленькую баночку с красной жидкостью — актёрская кровь, на водной основе, не сохнет, не пачкает. Набрал на палец, провёл под нижним веком.

Кровь потекла по щеке. Естественно. Медленно.

Он включил камеру, посмотрел в объектив — и замер. Глаза открыты широко, почти безумно. Кровь течёт из уголков, растекается по скулам, капает на белую футболку.

Остановил запись.

Прокрутил. Хорошо. Но мало.

Он добавил ещё — из зрачка. Капнул прямо в глаз. Теперь кровь шла оттуда, смешиваясь со слезой, растекаясь красными разводами. Жутко. Идеально.

Снова запись. Теперь он не просто сидел — он смотрел с болью, с ужасом, потом улыбнулся. Широко. С кровью на зубах.

Остановил.

Максим перекинул файлы на ноутбук и начал монтировать.

Накинул автоэффект — кадры заморгали, лицо начало мерцать: то появляется, то исчезает, как при плохом приёме. Потом ускорил — движения стали резкими, дёргаными, почти агрессивными. Потом — стоп-кадр. Жуткий взгляд с кровавыми слезами. Завис на секунду. И следом — жуткая улыбка с потеками крови на подбородке.

Он промотал готовый ролик.

Даже самому стало не по себе.

— Пиздец, — сказал он тихо. — Обосраться можно.

Скинул видео на микросхему, собрал устройство обратно, защёлкнул корпус. Подошёл к зеркалу. Аккуратно, двумя пальцами, прикрепил тонкую полоску к верхнему углу. Невидимо. Даже если знать, где смотреть, — не разглядишь.

Отошёл на шаг.

Зеркало мигнуло. И вместо его отражения — девушка. Та самая. Светлые волосы, размытый силуэт, кровавые потеки. Она смотрела прямо на него. Потом моргнула — и исчезла. Потом появилась снова. Улыбнулась. И с пропало.

Максим выдохнул.

По рукам побежали мурашки — крупные, колючие. Он поёжился, хотя в комнате было тепло.

— Ну никуда себе, — прошептал он и провёл ладонью по лицу, стирая остатки грима. — Реально обосраться можно.

Зеркало снова стало зеркалом. В нём отражался уставший парень с разводами крови на щеках и странной улыбкой.

Он подмигнул своему отражению.

— Красава.

Максим собрался быстро. Смыл остатки крови, стянул парик, переоделся в чистую чёрную футболку и потёртые джинсы. Ключи, телефон, карта — всё по карманам.

Вышел во двор.

На стоянке, метрах в пяти от оранжевой «копейки», стоял он. Порше 911. Чёрный, низкий, хищный. Карбоновый кузов отполирован до зеркального блеска — в нём отражалось серое небо и верхушки соседских тополей.

Максим нажал на брелок — машина моргнула фарами и коротко пискнула. Он плюхнулся в кожаное кресло, повернул ключ. Двигатель взревел — низко, басовито, как сытый зверь.

Через сорок минут он уже парковался у знакомых железных ворот.

Над дверью всё так же висела старая вывеска с ангелом в кожаной жилетке.

«Беспечный ангел»

Максим толкнул дверь, шагнул внутрь.

В баре пахло старым деревом, табаком и чем-то жареным. Полумрак, скрипучие доски, пустые столы. Днём здесь всегда было тихо.

За стойкой стоял Вадимыч — коренастый, седой, с руками в расплывшихся татуировках. Увидел Максима — и лицо его расплылось в широкой улыбке.

— О, приплыл! — сказал он радостно и вышел из-за стойки. — Здорово, Макс!

Они обнялись по-мужски — хлопок по спине, коротко, крепко.

— Здорово, Вадимыч, — ответил Максим, отстраняясь.

Максим устроился на высоком табурете с продавленным кожаным сиденьем, оглядел зал.

— Сталкер здесь? — спросил он. — Я с ним договаривался.

Вадимыч кивнул, доставая бутылку виски.

— Здесь, здесь. В сортире он. Сидит там, на горшке, в телефоне копается. Уже минут двадцать. Я уж думал, может, утонул.

Максим усмехнулся.

Вадимыч поставил перед ним стакан, налил на два пальца. Максим взял, покрутил в пальцах, посмотрел на свет.

— Знаешь, Вадимыч, — сказал он задумчиво, — а ведь в Шотландии, в 1494 году, первыми гнать вискарь начали монахи. И даже в реестре шотландского казначейства есть запись о выдаче солода брату Джону Кору для изготовления aqua vitae.

Вадимыч выслушал, покачал головой, усмехнулся в усы.

— Ну и трепло же ты, Макс, — сказал он беззлобно, почти ласково. — Всю жизнь языком молотишь.

Максим пожал плечами, сделал глоток.

В этот момент из коридора, где висела табличка «Туалет», хлопнула дверь. Вышел парень. Молодой, лет двадцати пяти, в тёмной толстовке и кедах. Лицо обычное — чуть уставшее, чуть помятое, с лёгкой щетиной.

Он поднял глаза, увидел Максима — и радостно замахал рукой.

— О, Макс! Привет!

— Здорово, Сталкер, — ответил Максим. — Садись.

Парень быстро подошёл, плюхнулся на соседний табурет. Вадимыч молча поставил перед ним ещё один стакан и налил виски — без вопросов, как старому знакомому.

Максим откинулся на спинку табурета, достал из рюкзака маленькое устройство — то самое, что собирал утром. Завёрнутое в чёрную ткань, размером со спичечный коробок. Положил на стойку, молча подвинул к Сталкеру.

— Держи. Всё как просил. Микросхема внутри, полоска на зеркало. Видео залил то, которое ты скинул. Работает.

Сталкер взял устройство, покрутил в пальцах, не распаковывая. Удовлетворённо кивнул и спрятал во внутренний карман толстовки.

— Спасибо, Макс. Нормально сделано.

Максим отпил виски, помолчал пару секунд, потом посмотрел на Сталкера с лёгким любопытством.

— Слушай, — сказал он негромко. — Не моё дело, конечно, но... кого ты решил привиденькой развести?

Сталкер усмехнулся, откинулся на спинку табурета, покрутил стакан в пальцах.

— Да не поверишь, — сказал он и хмыкнул. — История из ряда вон. Обратился ко мне один мужик. Заказ на девку одну. Не просто её прирезать в подворотне, а чтобы она сама на себя руки наложила.

Максим, попивая виски, чуть приподнял бровь.

— О, — протянул он. — Уже интересно. Что за страсти такие?

Сталкер сделал глоток, поставил стакан на стойку, начал рассказывать, чуть понизив голос.

— Я сам сначала скептически отнёсся. Нафига так сложно, долго и дорого? Но мужик настоял. А потом оказалось... у него дочь была. Молодая совсем. Её какая-то блокерша сбила насмерть. На пешеходном переходе. На скорости. Просто снесла и даже не затормозила.

Максим слушал, не перебивая.

— И что ты думаешь? — продолжал Сталкер. — Суд. Адвокаты. Итог — условка на два года. Права забрали, но она всё ещё ездит. Уже новую тачку купила. Живёт, не тужит. А мужик дочь схоронил. Один остался.

— И он сам хотел её... — начал Максим.

— Хотел, — перебил Сталкер. — Своими руками придушить. А потом передумал. Сказал: «Для неё это слишком милосердно».

Максим усмехнулся, покачал головой.

— Ну что за звери эти люди, — сказал он почти ласково. — Ей-богу, садисты.

Сталкер кивнул серьёзно.

— Во истину, брат.

Он отпил ещё виски, вытер губы тыльной стороной ладони и продолжил:

— Короче, я сначала за ней понаблюдал. Отрубил ей инет. Потом пришёл под видом техподдержки, в форму переоделся. Она пустила, даже чаем напоила. Я софт на роутер поставил — теперь всё вижу, всё слышу. Камеры у неё в квартире. Микрофоны. И знаешь что оказалось?

— Что? — спросил Максим.

— Так эта Мира — девка та ещё сука. У неё оказался компромат на сына прокурора города. Видео, переписки, всё такое. И она им шантажирует, чтобы дела свои закрывать. Поэтому она так легко соскочила с того дела. Прокурор помог. Судья свой. Всё спустили на тормозах.

Максим присвистнул.

— Ни хрена себе, — сказал он. — А Мира эта — Получается, автолюбитель с отклонениями?

— Она самая, — кивнул Сталкер. — Блогерша короче. Инстаграм, тикток, истории про «будьте добрее». А сама — мразь редкостная. Я её неделю пас. Она по ночам не спит, вся в телефоне, переписывается с какими-то мутными типами. Наркоту нюхает, между прочим. Кокаин. Регулярно...

Максим молчал, слушал, держа чуть высунутый язык набок.

— Так вот, — продолжил Сталкер. — План такой. Камеры я уже поставил. Когда она уйдёт, установлю на зеркало «пукалку» — твоё устройство. С лицом той девушки, которую она

сбила. Буду включать по ночам. Сначала просто отражение. Потом шаги по коридору. Потом завывания.

— Завывафки? — переспросил Максим с кривой улыбкой.

— Ага. Климат-контроль, кстати, тоже подключу. Чтобы температура скакала. То жара, то холод. Она с ума сойдёт. Будет думать, что это дочка её прокликает. А потом я начну вещи переставлять. Книжки на полках двигать. Кружки с места на место когда той дома не будет.

Максим допил виски, поставил стакан на стойку.

— Ну и финал? — спросил он.

— А финал, — Сталкер усмехнулся, — когда она совсем крышей поедет, я ей на телефон подброшу инструкцию. Как завязать петлю. В каком углу лучше. Из какой верёвки. От аккаунта девчонки, что погибла.

Тишина повисла над стойкой. Вадимыч делал вид, что протирает стаканы на другом конце стойки, но ухо держал наострѣнным.

Максим посмотрел на Сталкера долгим взглядом.

— Так просто?

— Абсолютно, — ответил Сталкер спокойно. — Она сама себя убьёт. И никто не докажет, что это не самоубийство. Потому что всё будет чисто. Её пальцы на верёвке, её следы в квартире. А привидение — это просто её больная совесть.

Максим кивнул медленно, будто переваривая.

— И долго думаешь развлекаться?

— Месяц-полтора, — пожал плечами Сталкер. — Зависит от того, насколько у неё крыша крепкая. Но судя по тому, что я видел... — он хмыкнул, — не очень. Пару недель — и она уже на звонки не отвечает. Ещё пара недель — и верёвку просит.

Максим поставил стакан на стойку, обвёл взглядом пустой зал, потом посмотрел на Сталкера уже по-деловому, без улыбки.

— Это всё, конечно, интересно, — сказал он негромко. — Душевно посидели. Но я жду свою оплату.

Сталкер кивнул, полез во внутренний карман толстовки. Достал что-то, завернутое в мягкую ткань, и аккуратно положил на стойку перед Максимом.

Коробка.

Чёрная, матовая, с серебряным тиснением. На лицевой стороне — едва заметный логотип PlayStation. Ни ценника, ни штрихкода. Ничего лишнего.

Максим замер.

— Ты серьёзно? — спросил он тихо.

— Открывай, — ответил Сталкер, пряча улыбку в усы.

Максим потянул крышку. Пальцы чуть дрожали — не от волнения, от предвкушения.

Внутри, на чёрной бархатной подложке, лежал он.

DualShock 4. Чёрный. Но не просто чёрный — глубокий, смоляной, с лёгким перламутровым отливом. Тачпад отливал серебром, и на нём — тонкая, изящная гравировка: «25».

Рядом с контроллером в коробке лежало письмо. Плотная бумага, тиснённый логотип, подпись. Максим развернул его, пробежал глазами. Внизу жирным, официальным шрифтом: «NOT FOR SALE».

Он выдохнул. Шумно, протяжно, как человек, который только что выиграл в лотерею.

— Сталкер, — сказал он, не веря своим глазам. — Это же... Это тот самый? Юбилейный? Который только разрабам дарили?

— Тот самый, — спокойно ответил Сталкер, отпивая виски. — Двадцать пятая годовщина. PlayStation Awards, 2019. Джим Райан собственной персоной вручал.

Максим поднял контроллер двумя руками, как святыню. Провёл пальцем по тачпаду, по корпусу, по кнопкам. Поднёс к лицу — запах нового пластика, который нельзя купить в магазине, потому что его никогда не продавали.

— Я не верю, — сказал он громко, уже не скрывая восторга. — Я просто... это же... ёбаный в рот!

Он засмеялся — счастливо, по-детски, совсем не похоже на того холодного профессионала, который час назад собирал микрочипы и клеил на зеркало видео с кровью из глаз.

— Вадимыч! — крикнул он через весь бар, размахивая контроллером. — Вадимыч, ты видишь? Ты понимаешь, что это такое?

Вадимыч вышел из-за стойки, подошёл, посмотрел на коробку, на контроллер, на сияющее лицо Максима.

— Ну, джойстик, — сказал он спокойно. — Играть можно.

— Не «джойстик»! — Максим чуть не подпрыгнул на табурете. — Это DualShock 4 «25th Anniversary»! Не продаётся в магазинах! Только разработчикам! На закрытой церемонии! Понимаешь?

Вадимыч посмотрел на Сталкера. Сталкер развёл руками и усмехнулся.

— Дурак он, — сказал Вадимыч, покачал головой и вернулся за стойку.

Максим уже не слушал. Он держал контроллер перед собой, поворачивал так и эдак, рассматривал гравировку, гладил коробку, перечитывал письмо Джима Райана.

— Это лучшая оплата в моей жизни, — сказал он наконец, спрятал контроллер обратно в коробку, аккуратно, как младенца, и сунул в рюкзак. — Сталкер... я тебя люблю.

— Взаимно, — ответил Сталкер, поднимая стакан. — Но ты мне ещё должен бутерброд.

— Я тебе два должен, — отрезал Максим и хлопнул ладонью по стойке. — Вадимыч, два бутера с беконом и ещё виски.

Вадимыч вздохнул, но полез в холодильник.

Глава 6

Егор проснулся за две минуты до будильника.

Он открыл глаза в полной темноте — и сразу сел, свесил ноги с кровати. Никаких «ещё пять минут», никакой борьбы с одеялом. Только движение, чёткое и безотказное, как у механизма, который никогда не даёт сбой.

Тишина стояла такая плотная, что в ней можно было утонуть. Квартира спала. За окном ещё не рассвело — только робкий серый свет пробивался сквозь щель между шторами, но Егор не нуждался в свете. Он знал эту комнату на ощупь, как знал все свои тела — каждую маску, каждую накладку, каждую роль, которую приходилось играть.

Будильник зазвонил ровно через две минуты.

Егор протянул руку и отключил его, даже не взглянув на экран.

Он встал. Пол под ногами был холодным — он никогда не ходил в тапках. Холод дисциплинирует. Холод не даёт расслабиться.

До армии он был другим. До армии он мог лежать до обеда, мог не застилать постель, мог пропустить завтрак. Чеченские командировки эту дурь выбили начисто. Там, в горах, медлительность была смертью. И не только для тебя.

Егор начал с разминки.

Плавные, текучие движения — шея, плечи, поясница. Никаких рывков. Он двигался так, будто каждая мышца знала своё место и свой порядок. Потом перешёл к отжиманиям. Пол в спальне был деревянным, скрипучим, но Егор не издавал ни звука — ни кряхтения, ни тяжёлого дыхания. Только счёт в голове.

Он отжался сорок раз, не поднимая головы, не сбиваясь с ритма. Потом встал, стряхнул с ладоней невидимую пыль и принялся за пресс. Лег на спину, закинул ноги на край кровати — так, чтобы корпус повис в воздухе. Скручивания. Медленно, с фиксацией в верхней точке.

Армия научила его не только убивать. Она научила его ждать.

Звонок в дверь разорвал тишину.

Егор замер. Взгляд метнулся к глазку — и тут же вернулся обратно. В глазке было пусто. Не темно, не светло — просто ничего. Кто-то загоразивал обзор рукой или наклеил что-то снаружи.

Он не спросил «кто там?». Не стал дышать громче. Просто сделал шаг в сторону, бесшумно, как тень, и оказался у дверного косяка. Рука сама нашла щиток с электросчётчиком — старый, ржавый, прикрытый пластиковой крышкой. Он потянул за край, крышка соскочила с тихим щелчком.

За счётчиком, в тени, прилепленная изолентой к ржавой трубе, висела небольшая кобура. Он выдернул пистолет одним движением.

Только тогда он спросил:

— Кто там?

Голос — спокойный, ровный, как у человека, которого разбудили среди ночи и он ещё не понял, где находится. Но глаза уже всё поняли.

За дверью ответили — грубо, с хрипотцой, нарочито громко, чтобы слышали соседи:

— Открывай! Соседи вы нас заливаете!

Егор слушал. Не голос — интонации. Не слова — паузы между ними.

«Соседи», — подумал он. — «В такую рань. В глазке — темнота. И голос, которого я никогда не слышал».

Он подошёл к двери.левой рукой взялся за ручку замка — холодный металл, знакомый до последней зазубрины. Правой рукой, той, что держала пистолет, большим пальцем нащупал предохранитель.

Щелчок замка.

Одновременно с ним — щелчок предохранителя.

Звуки наложились друг на друга идеально, как два удара сердца в унисон. Кто бы ни стоял за дверью, он не мог услышать второго щелчка — только первый, который сам и спровоцировал.

Егор повернул ручку. Резко толкнул дверь от себя — в сторону подъезда, распахивая её настежь, используя её как щит и как оружие одновременно.

Дверь ударила в кого-то, кто стоял слишком близко. Раздался глухой удар — не металла о тело, а тела о стену. В проёме показался лысый мужик — широкий, коренастый, с бычьей шеей и сжатыми кулаками. Он не ожидал, что дверь полетит в него. Потерял равновесие на долю секунды, но этого хватило.

Мужик влетел в квартиру, пытаясь поймать руками воздух.

Егор не отступил. Он ушёл в сторону — плавно, как вода, обтекая летящее тело. И когда лысый уже пролетал мимо, Егор встретил его голову ладонью — не силой, а направляющим движением, траекторией, которую мужик выбрал сам. Голова встретилась с косяком двери на полной скорости.

Звук был коротким и сухим — как ветка, которая ломается под сапогом.

Лысый рухнул на пол, даже не вскрикнув.

Но он был не один.

Второй уже стоял в проёме — молодой, жилистый, с острыми скулами и пустыми холодными глазами. В руке у него блеснуло что-то короткое, металлическое. Егор не стал разбираться, что именно. Он шагнул вперёд, сокращая дистанцию, и, даже не целясь, наотмашь ударил пистолетом — плашмя, прикладом вперёд.

Девять миллиметров стали встретились с лобной костью.

Звук был другой — глубже, неприятнее. Что-то хрустнуло.

Второго отбросило назад, в подъезд. Он не упал — его откинуло, как тряпичную куклу. Тело ударилось о перила лестничной клетки и замерло, сползая вниз.

Егор сунул пистолет за пояс.

Выглянул в подъезд — быстро, одним движением глаз. Пусто.

Он наклонился, схватил второго за шкирку, втащил в квартиру и закрыл дверь.

Второй очнулся первым.

Застонал, дёрнулся, но не смог даже повернуться — руки были стянуты за спиной широкой полосой скотча, ноги примотаны к ножкам стула. Первый — лысый — лежал рядом на боку, тяжело дыша, истекая слюной из разбитого рта.

Они были в зале. Тусклый свет от окна падал на старый диван, на полированный стол, на два пистолета, аккуратно положенных на льняную салфетку. Чужие. Те, с которыми они пришли.

Егор сидел напротив на деревянном стуле, положив ногу на ногу. В руке — ничего. На поясе — тоже ничего. Он смотрел на них спокойно, как смотрит человек, который уже всё решил и теперь просто ждёт.

— Сейчас я сниму скотч, — сказал он негромко, почти буднично. — И мы спокойно поговорим. Моргни, если понял.

Второй — жилистый, с острыми скулами и разбитой переносицей — моргнул. Один раз. Медленно. В глазах не было страха. Была настроженность и расчёт.

Егор поднялся, подошёл к нему сзади. Взялся за край скотча, потянул — липкая лента отходила с противным шелестом.

И в тот момент, когда руки парня оказались свободны, он заорал:

— Да ты сука, знаешь, кто мы такие?!

Егор не двинулся с места. Не вздрогнул. Только вздохнул — коротко, как врач, которому пациент испортил весь приём. И намотал скотч обратно. Одним движением. А следом — сжал кулак и ударил.

В челюсть.

Чётко. Без замаха. Короткий, сухой удар — кость о кость. Голова парня мотнулась в сторону, глаза закатились, и он обмяк в стуле, заскрежетав зубами.

Егор развернулся ко второму.

Лысый смотрел на него снизу вверх, и в его широком бычьем лице не осталось ни капли той самоуверенности, с которой он влетал в дверь. Губа разбита, бровь рассечена, на лысине — ссадина от косяка.

Егор присел на корточки, взял его за подбородок, поднял лицо к себе.

— Моргни, если понял.

Лысый моргнул. Быстро. Несколько раз.

Егор снял скотч — аккуратно, не спеша, чтобы не дёргался. Отступил на шаг, сел обратно на стул. Сложил руки на груди.

— Кто такие? — спросил он ровно. — И зачем в гости пришли?

Лысый сглотнул. Посмотрел на напарника, который висел на стуле без сознания, потом на свои пистолеты на столе. Потом на Егора.

— Не губи, — сказал он хрипло, с придыханием. — По-братски прошу. Нам просто заплатили. Сказали — убрать. Мы не знали, кто ты. Мы вообще не в теме.

— Кто заплатил?

— Женщина. Инна. Лефинцева Инна. Она нанимала. Сказала — сделаете, и всё. Она нам аванс дала, хороший аванс. — Глаза у лысого забегали. — Хочешь, мы тебе его отдадим? Весь. И сверху добавим, сколько скажешь. Только не убивай. Мы больше не придём. Мы вообще уедем. Забудем. Клянусь.

Егор слушал молча. Не перебивал. Не двигался.

А потом покачал головой — медленно, с лёгкой укоризной, как учитель, который смотрит на двойку в тетради отличника.

— Ну я так и знал, — сказал он тихо, больше для себя, чем для лысого. — Заказчица решила убрать хвосты.

Он помолчал. Покачал головой снова — теперь осуждающе, почти сожалея.

— И ещё так грубо. — Он кивнул на пистолеты на столе. — Без перчаток. Без глушителей. Пришли вдвоём, даже замотать лицо не додумались. — Егор посмотрел лысому прямо в глаза. — Вы бы сделали дело — и к вам бы пришли уже через час. По вашим же следам.

Лысый молчал. Только сглотнул ещё раз и опустил глаза.

Егор взял телефон и набрал Максима.

В этот момент его собственный телефон зазвонил.

Максим — на том конце провода — вылетел из сна с диким криком:

— Спасайте шнуры, идиоты!

И тут же, будто не было этого вопля, схватил телефон и заговорил спокойным, ровным голосом человека, который давно не спал и вообще пьёт утренний кофе:

— Здравствуйте, коллега. А я как раз хотел...

Егор перебил, даже не дав ему договорить:

— Нас заказали. Минируй и уходи.

Он сбросил звонок и положил телефон на стол.

На том конце провода повисла мёртвая тишина — только короткие гудки. Максим уставился на экран, на секунду завис, переваривая услышанное.

А потом вскочил.

Тапок стоял на пути. Он запнулся, выматерился сквозь зубы, выдернул ногу и побежал к входной двери босиком, дробно стуча пятками по паркету. Руки уже тянулись вверх, над дверным косяком, где под слоем побелки была спрятана тонкая леска. Он нащупал её, вытащил вместе с маленьким стальным крючком, который тихо звякнул о стену.

Максим замер. Пальцы дрожали, но двигались медленно, осторожно, будто он разминировал бомбу. Он зацепил крючок за ручку двери, потянул, проверяя натяжение. Леска натянулась. Он выдохнул, развернулся и побежал в комнату.

— Алиса, включи пылесос в ванной!

Голос из динамика ответил мягко, как всегда:

— Включаю.

Где-то в глубине квартиры загудел мотор — ровно, монотонно и тайник открылся.

Максим влетел в коридор. Зеркальная стена уже уезжала. Он нырнул в проход, даже не взглянув на своё отражение.

В комнате без окон горел холодный операционный свет.

Он подбежал к компьютеру, рванул системный блок, нашарил сзади винт — жесткий диск, основной, тот, на котором была вся жизнь, все маски, все схемы, все контакты. Выдернул его, сунул за пояс джинсов, прижал животом. Схватил с верстака канистру с бензином — она всегда стояла наготове, как огнетушитель, только назначение у неё было обратное.

Полил всё. Верстак. Парики. Накладки. Банки с гримом. Схемы и платы, которые не успел спрятать. Жидкость растекалась по столу, капала на пол, пахла остро и безнадежно.

Он не стал поджигать. Не сейчас.

Максим выбежал из комнаты, на ходу крикнул Алисе выключить свет — лампы погасли сами, как и положено умному дому. Проскочил коридор, отворил неприметную дверь под лестницей, за которой начинался спуск в подвал.

Люк захлопнулся за ним с глухим стуком.

В подвале пахло сыростью и старой картошкой. Максим нашарил в темноте поддон — тяжёлый, деревянный, уставленный мешками. Напрягся, приподнял край, засунул плечо, потом второе, поднатужился и сдвинул в сторону.

Под поддоном была дыра. Узкая, чёрная, уходящая куда-то в стену.

Он лёг на живот, сунул голову внутрь и пополз. Локти, колени, спина — всё царапалось о шершавый бетон. Он не видел ни зги, только ощущал, как тоннель сужается, как потолок давит на затылок, как где-то впереди, за сотнями метров темноты, должен быть выход.

Максим полз и молчал.

Максим вылез из стены в старом коровнике.

Сначала руки — нащупали земляной пол, мокрый и склизкий. Потом плечи, потом голова. Он потянулся вперёд, пытаясь понять, куда лезет, и в ту же секунду лбом встретился с чем-то деревянным, тяжёлым и совершенно неожиданным.

Стол.

Кто-то прикрыл тайный лаз старым верстаком. Максим тихо застонал, потёр ушибленное место, выругался сквозь зубы и вывалился наружу, чуть не опрокинув стол вместе с какими-то банками.

И тут же запинаясь об спящего бомжа.

Тот лежал прямо на полу, закутанный в тряпье, и мерно храпел — низко, надрывно, с присвистом. Нога Максима угодила ему прямо под бок. Бомж всхрапнул громче, перевернулся на другой бок, но не проснулся.

Максим, всё ещё стоя на четвереньках, склонился над ним и сказал тихо, почти ласково:

— Прошу простить, миледи, мою серость.

Потом вскочил и выбежал из коровника.

Ночь стояла глухая, безлунная. Трава под ногами хлюпала от росы. Где-то за оврагом чернел лес, а справа, метрах в пятидесяти, он услышал воду — тонкую, быструю, проточную. Ручей. Тот самый, у которого они с Егором когда-то закопали тревожный мешок.

Максим подбежал к воде, упал на колени и начал копать. Земля поддавалась легко — он откидывал её руками, как собака, торопливо, жадно, не чувствуя, как ногти ломаются о камни. Через минуту пальцы нащупали край целлофана. Ещё через минуту он вытащил плотный, замотанный в несколько слоёв полиэтилена свёрток.

Внутри была сумка. Чёрная, потёртая, с длинной лямкой.

Он расстегнул молнию. Наличка — толстая пачка, перетянутая резинкой. Документы — два паспорта, водительские права, пластиковые карты на разные имена. Пистолет — короткий, бесшумный, заряженный, аккуратно уложенный в кобуру. И одежда — джинсы, тёмная футболка, лёгкая куртка, кеды.

Максим переоделся прямо на берегу, не глядя по сторонам. Мокрую, перепачканную одежду сунул в целлофановый мешок, завязал и отбросил в кусты. Потом достал кнопочный телефон — маленький, серый, без намёка на сенсорный экран — и нажал единственную кнопку быстрого набора.

Егор ответил после первого гудка.

— Я на линии, — сказал Максим, тяжело дыша и оглядываясь на тёмную стену коровника. — Буду через час.

Егор держал телефон зажатым между плечом и ухом, потому что руки были заняты. Услышал — коротко, сухо, без лишних эмоций:

— Принято.

Он скручивал глушитель с пистолета. Резьба шла туго — металл на металле тихо скрежетал. Последний оборот, ещё пол-оборота, и глушитель отделился, легонько стукнув о край стола.

Егор положил пистолет рядом, взял телефон, бросил его на столик — тот глухо звякнул пластиком о дерево.

На полу, уже не шевелясь, лежали двое.

Те, кто влетал в дверь. Лысый и жилистый. Те, кто минуту назад дышал, моргал, пытался торговаться за свою жизнь. Теперь на их лбу аккуратно чернели маленькие круглые отверстия, из которых почти не текла кровь — только тонкие тёмные ниточки застывали на переносицах.

Егор посмотрел на них, как смотрят на сломанный инструмент, который уже не починить. Потом достал свой телефон, нашёл контакт и нажал вызов.

В трубке долго гудело.

— Алло, — раздался наконец сонный, сиплый голос Вадимыча. Зевок, такой громкий, что динамик захрипел.

— Нужен клининг, — сказал Егор ровным, спокойным голосом. — Два мешка мусора у меня.

На том конце повисла секундная тишина — Вадимыч переваривал. Потом снова зевок, уже тише, и короткое:

— Отправляю.

Гудки.

Егор убрал телефон в карман, взял со стола пистолет, проверил магазин — оставалось ещё три патрона. Сунул его за пояс. Подошёл к окну, отёрнул шторы.

Глава 7

Соседние дома тянулись вдоль дороги — неказистые, обшарпанные, с крашенными когда-то зелёной краской заборами и покосившимися калитками. Где-то за ними лаяла собака, где-то хлопнула дверь, но в целом утро было тихим, сонным, почти безлюдным.

Максим свернул в проулок между двумя покосившимися сараями.

Здесь пахло прелым деревом, прошлогодними листьями и ещё чем-то неуловимо гаражным — бензином, машинным маслом, ржавым железом, которое греется на солнце и медленно тлеет под толстым слоем времени.

Он остановился у третьего сарая. Дверь была старая, дощатая, сколоченная из неровных горбылей, и заперта на амбарный замок размером с кулак. На вид — ничем не примечательный, каких тысячи в частном секторе. Но Максим знал, что это не так.

Он сунул руку в щель между косяком и стеной, достал ключ. Маслянистый, тяжёлый, с выщербленной бородкой.

Замок щёлкнул — глухо, неохотно, будто его будили ни свет ни заря.

Максим потянул дверь на себя. Та привычно скрипнула, открываясь вовнутрь. Внутри было темно, пахло пылью, сухой травой и старым бензином, который давно пропитал доски пола. Сквозь щели в крыше пробивались тонкие лучи света, в которых лениво кружилась пыль.

В дальнем углу, накрытый брезентом, спал он.

Максим подошёл, схватил за край и одним движением сдёрнул ткань.

«Урал».

Тяжёлый, чёрный, с коляской, облепленный вьёвшейся в металл дорожной грязью. Не новый, не полированный — с царапинами, потёртостями, следами десятков тысяч километров бездорожья. Колеса чуть приспущены, руль слегка повернут вбок, сиденье потрескалось от времени. Но двигатель — чистый, вылизанный, готовый взречь по первому требованию.

Максим ухватился за руль, выкатил мотоцикл из сарая.

Он сжал правую ручку газа, выкрутил её до упора — и сам озвучил мотор.

— Вжжжжжжжжжжжж! Др-др-др-др-др-др-др-др-др! — заорал он, низко, басовито, на вибрации, с рыком в горле, как будто под ним реально ревел двигатель.

Потом повернул голову направо и сказал тоненьким, почти девчачьим голосом:

— Коллега, мне кажется, этот принцип неэффективен в данном случае.

Потом повернул голову налево и ответил другим тоненьким голосом — капризным, с ноткой обиды:

— Знаешь, если такой умный, вот возьми и сам разберись.

Снова повернулся направо. Сделал паузу. И добавил уже рассудительным, слегка усталым голосом человека, который всё понял, но не хочет спорить:

— Я думаю, ну это... Ключ зажигания повернуть.

Он посмотрел на ключ в замке зажигания.

Повернул его.

Мотоцикл завёлся по-настоящему.

Двигатель взревел — низко, мощно, с хрипотцой, заглушая утреннюю тишину. Максим подгазовал, переключился, выжал сцепление — и «Урал» рванул с места.

Он ехал, хохоча, запрокинув голову, ветер бил в лицо, коляска подпрыгивала на ухабах, и где-то за спиной остались соседские собаки, которые лаяли ему вслед до самого поворота.

А тем временем в квартире Егора раздался стук.

Три удара. Коротких, привычных — не как в дверь, а как в дверцу шкафа. Егор подошёл к глазку, прильнул.

На лестничной клетке стоял мужчина в жёлтых больших очках. Таких, знаешь, из девяностых, с диоптриями. Одна дужка подвязана изолентой. В руках — огромная клетчатая сумка, похожая на ту, в какой носят картошку, но из странной, маслянистой ткани.

Егор открыл дверь.

— Здорово, — сказал мужчина.

— Привет, Семён Батькович.

Семён шагнул внутрь. Пахнуло от него не химией, как ожидал Егор, а мятными леденцами и старым кожаным креслом. Сумка глухо брякнула об пол.

— Где? — спросил Семён, разминая шею.

— Они в зале, — Егор кивнул в сторону прикрытой двери.

Семён вошёл в зал, как экскурсант в картинную галерею. Посмотрел, присвистнул. Молча расстегнул сумку. Оттуда полезли мешки. Не чёрные — нет, плотные, из странной серебристой склейки, с толстыми швами. Потом шланги, зажимы, какой-то ниппель с резьбой, похожий на автомобильный. И маленький термос с зеленоватым облезлым покрытием.

— Ну, — сказал Семён, пнув мешок ногой. — Смотрите, Егор. Я сначала их тут отмачиваю. Часа четыре примерно.

Он вынул из термоса колбу и поставил на пол. Егор смотрел, как тот пальцами, толстыми, как сардельки, накручивает на штуцер какой-то переходник.

— Потом наливаю горячую ванну, — продолжил Семён, не оборачиваясь. — И вот этот раствор, — он поднял колбу. Жидкость внутри была похожа на мутное масло. — Щёлочь, Егор. Не кислота, не бойся. Кислота — она для соплей и плача. А щёлочь — она как тёплая стирка. Превращает человека в мыло. Без запаха. Без крови. Только пузырьки.

Егор молчал.

Семён подключил первый шланг, провернул клапан — раз, два, — и из сумки глухо зашипело. Не громко. Как кошка, которую гладят по шерсти.

— Через четыре часа тут будет жижа, — Семён показал на мешок. — Тёплая, мыльная. Я её солью в ванну, заодно и нейтрализую. Углекислый газ, вот он, — он потыкал во второй баллон, приоткрытый к дну сумки скотчем. — Пузырьками, пузырьками. И всё. Хоть в унитаза. Хоть на клумбу.

Он выпрямился, вытер руки о джинсы, и тогда заметил, что Егор стоит, вжавшись спиной в дверной косяк, и смотрит на него с выражением человека, который случайно узнал, из чего делают «Мир» в «Колбасном цеху».

— Слушай, — тихо сказал Егор. — Я ведь не спрашивал, как вы делаете свою работу.

Семён сдвинул свои жёлтые очки на лоб.

— А я знаю, что не спрашивали, — сказал он. И улыбнулся. По-простому. Грустно. — Егор, мне иногда надо с кем-то из живых хотя бы просто разговаривать. Ладно. Сброшу в почтовый ящик, — сказал он. — Часа через четыре, квартиру от ДНК отработаю, не придраться.

Егор уже взялся за дверную ручку.

И тут из зала, где Семён остался возле мешка, донеслось:

— *Калий-гидро-оксид... калий-гидро-оксид... два моля на литр — и порядок... а больше не надо...*

Голос был негромкий, даже ласковый. Напев — простой, как у школьника, который учит таблицу умножения, но сбивается на третий раз.

— *...а потом алюминий, он греет раствор, он греет... и нет никого, только мыльные пузырьки... буль-буль-буль...*

Егор замер у двери, глядя в пол. Потом всё-таки повернул ручку и шагнул на лестничную клетку.

В это время Максима, бар «Беспечный ангел» встретил его тем же полумраком.

Он заглушил двигатель у крыльца, поставил мотоцикл на подножку. Кинул взгляд на стоянку — ни одной машины. Только мотоциклы под чехлами и старый бакен с водой для собак.

Он толкнул дверь и вошёл.

Внутри было тихо.

За стойкой стояла молодая девушка. Рыжие волосы небрежно сбиты в пучок, на лице — вечная усталость продавца в пустом магазине. Она лениво помахала Максиму, даже не подняв головы от телефона, и снова уткнулась в экран.

В углу бара на старом кожаном диване спал байкер. Седая борода, тельняшка, объёмный живот. Одна рука свисала до пола, вторая прикрывала глаза от тусклого света. Он мерно посапывал — глубоко, с присвистом.

За стойкой, в двух табуретах от девушки, сидел мужик в потёртой косухе и пил пиво. Небольшими глотками, глядя в одну точку на противоположной стене.

Максим оглядел зал, усмехнулся краем рта.

И прошёл к своему столику у стены.

Он бросил сумку на соседний стул, положил руки на стол, выдохнул.

И начал говорить.

— Значит рассказываю, — сказал он, глядя куда-то в сторону стойки. — Ты меня спрашиваешь, как появился этот бар? А я тебе расскажу.

Он усмехнулся, поправил рукав куртки, будто собирался поведать что-то важное, но на секунду отвлёкся — посмотрел на спящего байкера в углу, потом на девушку за стойкой, которая всё так же листала телефон.

— В общем, ровно через год после того, как вышла песня, открыли этот бар. — Максим сделал паузу, будто выдерживая драматическую паузу. — В девяносто девятом. Мини-альбом, «Tribute to Harley Davidson». А через три года — на «Штиле» переиздали.

Он засмеялся — коротко, отрывисто, будто сам над собой.

— И ирония в чём? — Максим подался вперёд, понизил голос, как будто делился секретом, который знают только свои. — Этот бар — обитель убийц и наёмников. Таких, как мы. А цели наши — люди. Понимаешь? Ангел, получается, хранитель у наших целей. Беспечный.

Он откинулся на спинку стула, довольно улыбнулся и перевёл взгляд на стену.

Там, в деревянной рамке под наклонным светом единственной лампы, висела фотография. Чёрно-белая, чуть выцветшая по краям. Кипелов. С распущенными волосами, в кожаной куртке, с гитарой, застывший в вечном крике, который никто не слышал, но все знали наизусть.

— Вот ты меня слушаешь, — сказал Максим фотографии. — А я тебе душу открываю. Хотя мог бы просто пиво пить, как вон тот мужик.

Он кивнул в сторону стойки, где мужик в косухе продолжал безмолвно пить пиво, глядя в стену.

Максим снова посмотрел на фото Кипелова.

— В этом баре что-то... такое. Сядишься — и само идёт.

Он замолчал. Посмотрел на входную дверь.

И в этот момент дверь открылась.

Егор шагнул внутрь.

Полумрак бара ударил в глаза после утренней серости. Он на секунду замер, привыкая, и сразу увидел Максима.

Тот сидел в своём углу, откинувшись на стуле, и смотрел на стену. На фотографию Кипелова. Один. Сумка на соседнем стуле, руки на столе. И губы его чуть шевелились — будто он продолжал разговор, который начал минуту назад.

Егор подошёл ближе. Никого рядом не было. Максим говорил сам с собой. Или с фотографией.

Егор остановился в трёх шагах от столика, сложил руки на груди, и спросил негромко, но так, чтобы Максим услышал:

— Ты кому рассказываешь?

Максим медленно повернул голову, увидел Егора — и улыбнулся. Широко, почти по-детски, будто его застали за чем-то стыдным, но он ни капли не смутился.

— Представляешь? Нет, ты представляешь? Бардак. Кошмар. Я, я не знаю, как это выразить. Это возмутительно.

Максим заговорил быстро, сбивчиво, глаза его блестели, пальцы барабанили по столу.

— Представляешь, сразу напали на меня. Да, десять омонцовцев. И у каждого — нунчаки. Они как кинутся, я так-сяк, этак. Ага. Ну, а у каждого из них по базуке. И как давай в меня пулемётить, я просто как в Матрице давай уклоняться. Ну и достаю я, значит, ножичек перочинный и так: чик-чик, чик-чик, чик-чик, чик-чик... Птички чик-чирик, говорю, поют красиво очень.

Он засмеялся — отрывисто, нервно.

Егор смотрел на него не двигаясь. Потом медленно подошёл, положил руку на плечо Максима — тяжело, уверенно, придавливая к стулу.

— Напугался, да, сильно? — спросил Егор негромко, почти ласково.

Максим дёрнул плечом, но не сбросил руку.

— Да некогда, я вообще! Иной раз... — Он замялся, взгляд метнулся к потолку, будто ловил муху. — Кстати, а если завернуть всё в лаваш и кинуть в слона?

Егор не ответил. Только сильнее сжал плечо и свободной рукой потянулся к сумке Максима, которую тот бросил на соседний стул.

Максим вдруг обмяк.

— Да всё нормально, — сказал он уже тише. — Всё нормально.

Он потянул молнию на сумке, запустил руку внутрь и достал несколько упаковок таблеток, стянутых резинкой. Клозапин.

Егор оторвал одну, положил на стол.

Максим схватил её со стола, сжал в кулаке и выкрикнул с неожиданной радостью:

— О, барбариска!

И проглотил, закидывая в рот и давась.

Егор молча ждал, пока он прожует. Потом взял его за подбородок, повернул к себе.

— Смотри на меня. Дыши ровно. Ни о чём не думай. И слушай мой голос.

Максим уставился на него. Глаза бегали — по лицу Егора, по стене, по фото Кипелова, — но с каждым вдохом медленнее, с каждым словом спокойнее.

— Так, — сказал Егор. — Хорошо. Ещё вдох. И выдох. Не спеши.

Максим выдохнул. Плечи опустились. Пальцы перестали дрожать.

— Леонтьев красивый без хохломы, — прошептал он уже почти беззвучно и улыбнулся.

Егор убрал руку, сел напротив.

Максим сидел, глядя в стол, и медленно приходил в себя.

— Ладно, — сказал Максим, потирая переносицу. — Ладно. Надо выдохнуть, прийти в себя и отвлечься.

Он поднял голову, посмотрел на Егора уже более осмысленно.

— Но давай всё-таки решать задачу. Что-то надо с Инной делать.

Егор молча кивнул.

Максим потёр затылок, покрутил головой, разминая шею.

— Да задачка... на пару дней точно подготовки. Только.

Он хлопнул ладонью по столу, словно ставил точку в длинных размышлениях, и повернулся в сторону стойки.

— Марфа! — крикнул он негромко, но так, что в тишине бара его голос прозвучал как выстрел.

Девушка за стойкой — рыжая, с вечно скучающим лицом — вздрогнула. Телефон выпал из рук, шлёпнулся на стойку. Она дёрнулась, поправила волосы, одёрнула футболку — всё за одну секунду, не успев даже понять, что её выдали собственные рефлексy.

— А... — Марфа сглотнула, выпрямилась, сделала лицо попрофессиональнее. — Хорошо, Егорка. Сделаю.

Егор даже бровью не повёл, услышав «Егорка». Максим усмехнулся в усы.

— Она нас ждёт, — продолжил Егор, когда Марфа скрылась за барной стойкой. — Снять её теперь не так просто. Точно охраной обложились. После того, как те двое не вернулись.

— Ну, — Максим развёл руками, — шанс есть. Она же будет ездить в офис. Ёшкин кот, бизнес-вумен всё-таки. Сама себя за уши не вытащит из этого графика.

Из-за стойки появилась Марфа. Поставила перед ними две пустые кружки — керамические, тяжёлые, с потрескавшейся глазурью. Рядом — бутылку коньяка. Дорогого, судя по этикетке. Не спрашивая, отвинтила пробку и налила на два пальца в каждую.

Максим посмотрел на кружки. Потом на Марфу.

— А кофе? — спросил он с лёгкой обидой в голосе.

Марфа кокетливо наклонила голову, сложила руки на груди и ответила тоном, который не предусматривал возражений:

— Милый, я же не бариста. Я бармен.

Максим засмеялся — искренне, хрипло, с облегчением человека, который только что не вписался в дерево на полной скорости.

— Ладно, — сказал он, откидываясь на стуле. — Ну хотя бы пакетики кофе бы рядом положила.

Марфа уже шла к стойке. Не обернулась, только бросила через плечо, ровно:

— Я тебе на воротник могу положить, умник.

Максим поперхнулся воздухом.

Егор, глядя на него, впервые за утро чуть улыбнулся — краем рта, коротко.

Глава 8

Они обсуждали уже несколько часов.

— Ну смотри, — Максим водил пальцем по схеме, — когда выходит из машины у офиса. Тут, справа от подъезда, узкий проход. Метров семь. Она всегда одна идёт, впереди. Охрана сзади на два шага.

— Водитель остаётся за рулём, — сказал Егор. — Это ещё один ствол, который мы не учитываем.

— Тогда ДТП. Перекрёсток у её дома. Светофор, она всегда на зелёный успевает. Таран в водительскую дверь. Она на заднем сиденье — не факт, что зацепит.

— А если подорвать? — Егор поднял глаза. — Дистанционно. Когда выезжает из гаража. Максим помолчал, прикинул.

— Недель две подготовки. Закладка, сигнал, отработка отвода глаз. Потом чистка ещё неделя.

— А у нас есть три недели? — спросил Егор.

Максим ничего не ответил.

Они оба знали ответ. Нет. Нет у них трёх недель. Каждый день, пока они сидят и перебирают варианты, Лефинцева может нанять ещё кого-то. Или не нанимать, а просто сдать их. Или уехать. Или найти их раньше, чем они её.

Скрываться, затаиться — невыгодно. Это не их метод. Их метод — быстрый, чистый, без следов. А тут каждый вариант упирается в недели подготовки. Или в риск. Или в тупик.

В комнате повисла тишина.

И в этой тишине зашаркали тапки.

Клавдия Михайловна вошла с половой тряпкой и шваброй. Старая деревянная швабра, на конце — серая тряпка, когда-то белая, но это было в прошлом веке. Она опустила её в ведро, которое тащила за собой, и принялась водить по полу.

Подошла к столу.

— Ноги задрали.

Максим поджал ноги. Егор — следом.

— Задрали, я сказала, ноги.

Швабра прошла под ними, влажно чиркнула по доскам.

— Спасибо, Клавдия Михайловна, — сказал Максим, отодвигая стул.

Она не ответила. Продолжала мыть.

Егор поднял ноги повыше, глядя, как тряпка скользит под подошвами его ботинок. И сказал задумчиво, почти сам себе:

— Странно это всё.

— Что именно? — спросил Максим.

Егор кивнул на бумаги, на схемы, на распечатки с камер.

— Да то, что мы подобраться не можем. Обычно как-то не было таких проблем с планами, чтобы взять и убрать человека.

Клавдия Михайловна выпрямилась. Не спеша. Оперлась на швабру, как на посох. Посмотрела на них сверху вниз, хотя была ниже обоих.

— Вы просто фраера зелёные, — сказала она. Без злобы. Без крика. Так, будто заметила, что они суп пересолили. — А чтоб вальнуть, тут не суета нужна. А чтоб лошок сам позволил.

И снова опустила швабру в ведро. Провернула тряпку. Пошла дальше.

Максим проводил её взглядом. Улыбнулся.

— Клавдия Михайловна, — сказал он с уважением, от которого трудно было отличить подкол, если б не знал, — вот я всегда восхищался вашей мудростью и жизненным опытом.

Она не обернулась. Только буркнула себе под нос, продолжая водить шваброй:

— Понаберут по объявлению... потом братве в глаза стыдно смотреть... не, ну просрали страну...

Максим смотрел ей вслед. И вдруг глаза его расширились.

— Точно, — выдохнул он. — Это же гениально!

Он заходил по комнате, потом резко остановился, повернулся к Егору.

— Помнишь схему, а? «Сим-Сим, откройся»?

Егор почесал висок.

— Напомни. Чё-то я не помню такого.

Максим улыбнулся — ностальгически, будто достал с полки старый фотоальбом.

— Ну нам тогда лет по пятнадцать было. А мы тогда киоск решили взять. Вспоминаешь?

Егор кивнул.

— Да-да. Такое помню. Как тут забыть.

Максим подсел ближе, оживился, заговорил быстрее.

— Я тогда подхожу к киоску. Говорю: «Здравствуйте, а у вас есть шаурма?» А она и начинает: «Какая, к чёрту, шаурма? Это киоск. Вот. Кока-кола, пепси есть. Турбо, чупа-чупс. Тебе чё надо, пацан? Какая шаурма?» А я ей отвечаю: «Как какая? Собачатина-бомжатина, слоённая вкуснятина».

Егор смотрел на него, не двигаясь.

— И ты это к чему сейчас?

— К тому, — Максим наклонился к нему, — что я её убедил. Заговорил. И она сама открыла дверь. А ты просто её вырубил. Мы набрали жвачки, свалили хохоча. Совсем забыв про кассу. Но не суть.

Он выпрямился, развёл руками, как фокусник, показывающий пустую шляпу.

— Смотри, — сказал Максим. — Смотри на яркий пример. Как говорится, живой пример покойного Петра Ивановича.

Егор поднял бровь.

— Дальше.

— Она же, Инна, по-любому будет пить кофе с утра. Что мы делаем? Подготавливаем записку. Я, будучи курьером, подхожу к её офису, передаю конверт. Пишу фамилию, имя, должность — и всё. Вон в подсобке есть принтер. Я сам склею конвертик. А записочка будет небольшая.

Егор смотрел на него хмуро, исподлбья.

— И что ты напишешь?

Максим воодушевлённо наклонился к нему, понизил голос.

— А напишем мы следующее. Например: «Как тебе понравилось кофе?»

Егор молчал.

— И отправим яд, — продолжал Максим. — Скажем в письме, что это противоядие. В условии этой щедрости — чтобы она отозвала своих псов и ещё скинула нам деньги. Иначе мы её точно уберём. Она запаникует — и сама отравится.

Егор постучал пальцами по столу. Помолчал. Потом сказал ровно, без эмоций:

— Ну, это же бред. Ну, вообще ни один нормальный человек не выпьет яд.

Максим открыл рот, чтобы возразить, но Егор поднял руку — подожди.

— Ну допустим, — сказал Егор. — А где мы яд возьмём?

Максим улыбнулся.

Потянулся к сумке, которую бросил у стула. Расстегнул молнию, запустил руку внутрь и достал несколько пачек Клозапина.

— Смешаем с водичкой, — сказал он. — И в какой-нибудь флакончик из-под духов нальём. У Марфы спросим. Раз она идею подала — вместо кофе, — может, у ней есть пробники духов.

Егор посмотрел на пачки. Потом на Максима.

— То есть ты предлагаешь отправить ей письмо с ядом, написать, что это противоядие, и надеяться, что она выпьет?

— А почему нет? — Максим развёл руками. — Она в панике. Она думает, что мы уже отравили её кофе. Мы говорим: «Выпей это — и будешь жить. Не выпьешь — умрёшь через час». Что она сделает?

Егор помолчал. Постучал пальцем по столу. Потом сказал негромко, с той интонацией, когда принимаешь решение, которое тебе не нравится, но спорить уже некогда:

— Ладно. Давай попробуем. Но как будто это на авось. Я так не привык. Но ладно.

Он кивнул в сторону двери.

— Иди спроси у Марфы, есть ли у ней флакончики какие.

Максим вышел.

Максим вернулся. В руках у него была старая аптечка — жёлтая, с потрескавшимся пластиком, из тех, что выпускали ещё в девяностых. На боку — едва читаемая красная надпись, стёртая до половины. Он поставил её на стол, щёлкнул застёжкой.

Крышка откинулась.

Внутри — бардак. Анальгин, рассыпавшийся по дну. Складной ножик, на лезвии которого засохло что-то бурое, очень похожее на кровь. Пустая пачка из-под бинтов — картонка, мятая, с выдранной крышкой. И в самом углу, придавленный всем этим хламом, — шприц. Упакованный. Целый.

Максим повертел аптечку, заглянул под клапан, потряс.

— Баночек никаких нет, — сказал он. — Даже на кухне. Но есть шприц.

Он вытащил упаковку, положил на стол.

— Сразу отправим шприц противоядием. Хрен с ней.

Егор посмотрел на шприц. Потом на Максима.

— В общем, — сказал Максим, — мне-то таблетки... бодяж побольше концентрацию. А я пойду на принтере попечатаю немножко.

Он развернулся и вышел в подсобку.

Подсобка оказалась тесной, заваленной старым хламом. На стенах — плакаты. Группа CDC — те самые, в чёрном, с жёлтыми буквами. Ещё какие-то, выцветшие, с рок-музыкантами, которых уже никто не помнит. В углу — квадратный монитор, толстый, как аквариум. Он тускло светился голубоватым — компьютер был включён.

Максим придвинул табурет, сел. На экране — рабочий стол Windows XP. Зелёные холмы, значок «Мой компьютер», корзина. Всё как в детстве.

Он открыл Word.

Версия — девяносто третьего года. Серые поля, старый шрифт. Максим щёлкнул по клавишам, помедлил секунду, подбирая слова. И начал печатать.

«Как тебе понравилось кофе? Хочешь ли ты выжить? Вот тебе наша благотворительность — шприц с противоядием. Но главное условие — это деньги. Чтобы ты отозвала своих псов от нас.»

Пробежал глазами. Подумал. Добавил:

«Иначе мы тебя уберём. Красиво. Не сомневайся.»

Нажал на печать.

Принтер застрекотал — старый, матричный, с такой же седой древностью, как и компьютер. Выполз лист, проколотый по бокам дырочками. Максим оторвал его, взял ножницы — те, что лежали тут же на подоконнике, — и вырезал записку. Аккуратно, по контуру.

Клей-карандаш нашёлся в ящичке стола. Лист чистой бумаги — там же.

Максим сложил конверт. Провёл клеем по краям. Придавил. Вложил записку внутрь. Конверт получился самодельный, чуть кривой, с неровными углами — но для курьерской доставки сойдёт.

Он вышел из подсобки с открытым конвертом в руке. Показал Егору.

— Вот. Записка внутри. Шприц — туда же. Подпишем — и готово.

Егор взял конверт, повертел в пальцах, посмотрел на свет.

— Адрес? — спросил он.

— Напишу красиво, — ответил Максим. — Фамилию, имя, должность. Чтобы не задумалась, от кого.

Он подошёл к столу, достал ручку и начал выводить на конверте аккуратным, почти каллиграфическим почерком:

Лефинцевой И.В.

Генеральному директору

Лично

Егор наблюдал.

Максим отложил ручку, удовлетворённо кивнул.

— Всё. Теперь осталось смешать раствор и отдать.

— И убедиться, что она его откроет, — добавил Егор.

Максим усмехнулся.

— Твои слова да богу в уши.

Через час они уже катили на «Урале» по городу.

Максим за рулём, Егор в коляске. Ветер свистел в ушах, мотоцикл рычал на перекрёстках, подпрыгивал на стыках асфальта.

Остановились недалеко от офиса. За углом, в тени тополей, откуда хорошо просматривался вход — серое здание с чёрными тонированными стёклами, турникет, будка охраны, камеры.

Максим заглушил двигатель. Достал из сумки конверт. Повертел в пальцах.

— Я рожей больше на курьера всё-таки похож, чем ваше благородие, — сказал он, кивнув на Егора.

Егор не ответил. Только поправил кобуру под курткой.

Максим вылез из коляски, сунул конверт во внутренний карман, одёрнул толстовку. Пересёк улицу быстрым шагом — не бегом, не внаглую, а так, будто очень торопится по своим делам и ему некогда объяснять.

Пост охраны — стеклянная будка справа от входа. Охранник сидел в кресле, листал телефон. Толстый, ленивый, в форменной рубашке с коротким рукавом.

Максим влетел внутрь, проскочил мимо него, не сбавляя шага. Кинул конверт на стойку — прямо под нос охраннику.

— Срочно! — крикнул он. — Этому вашему, как его там... да ладно, пофиг!

И, не оборачиваясь, выбежал на улицу.

Охранник поднял голову. Заморгал. Посмотрел на дверь, куда исчез курьер. Потом на конверт.

— Эй! — крикнул он уже в закрытую дверь. — Эй, стой! А кому? Что? Куда?

Максим уже сворачивал за угол.

Охранник взял конверт, повертел, понюхал. Провёл пальцем по клею.

— Фу ты, ёлки, — сказал он сам себе. — Вот суета. Парень, вот суета.

Он отложил конверт на край стойки и снова уткнулся в телефон.

Максим спокойно подошёл к «Уралу». Забрался в коляску. Кивнул Егору. Егор посмотрел на него исподлобья.

— Ну как?

Максим усмехнулся. Заправил выбившуюся прядь под воротник. И ответил с ленивой, почти философской уверенностью:

— Сегодня мы узнаем, кто здесь топ-1, а кто топ-топ — нахуй отсюда, из этой жизни.

Мотоцикл завёлся.

Максим дал газ, вырулил с обочины. Проехали перекрёсток, потом второй. Ветер свистел, где-то за спиной оставались городские кварталы.

— Слушай, — сказал Максим, перекивая шум мотора. — А нам-то куда податься? В гостишку, наверное?

Егор покачал головой, не глядя на него.

— Да не. Давай, наверное, всё-таки на точку. Старого. Этой валочного. Помнишь, два года назад? Где алмазы бультыхнули. И держали точку, где паспорта для границы брали у алкашей.

Максим протяжно выдохнул, припоминая.

— А-а-а... Это где мы в пластиковых бутылках алмазы накидали в воду и через границу перевезли?

— Ну да. А я как сказал? — хмыкнул Егор.

— Ага, завалюшку я эту помню, — сказал Максим. — Надеюсь, её не сожгли местные бомжики.

Он переключил передачу, добавил газу.

Глава 9

Они ехали молча. Ветер свистел в ушах, «Урал» подпрыгивал на колдобинах, коляска скрипела на каждой кочке, но ни Максим, ни Егор не проронили ни слова. Только дорога — серая лента, уходящая за горизонт, — и тишина между ними, тяжёлая, как свинец.

Посёлок показался неожиданно. Сначала столб с облупленной табличкой, потом пара домов с покосившимися заборами, заросший бурьяном пустырь, ржавые ворота. Всё то же самое. Всё как два года назад. Только трава выше стала, да воздух будто бы гуще — настоявшийся на полыни и забвении.

Максим сбросил газ. Мотоцикл затарахтел тише, перешёл на хриплый холостой ход, а потом и вовсе заглох. Тишина ударила в уши — густая, почти осязаемая.

Они вылезли.

Егор огляделся. Дома стояли молчаливые, с заколоченными окнами. Ни души. Ни собачьего лая, ни детского крика, ни хлопка калитки. Мёртвый посёлок. Или просто утро — слишком раннее для тех, кто здесь когда-то жил.

Они пошли по улице. Мимо покосившихся заборов, мимо заросших палисадников, мимо старой колонки с отломанной ручкой. Ноги сами несли к тому месту, которое они когда-то выбрали для отсидки. Дом стоял в конце улицы, почти у леса. Неприметный, серый, с провалившейся крышей и выбитым окном. Раньше он выглядел не лучше — специально выбрали такой, чтобы не привлекать внимания. Завалюшка. Место, где можно переждать, перетечь из одной роли в другую, собрать документы, переложить алмазы из пластиковых бутылок в нормальную упаковку.

Место, где никто не ищет.

Калитка была деревянная, старая, скрипучая. Максим толкнул её плечом — она поддавалась не сразу, заскрежетала петлями, но открылась. Двор зарос лебедой. Трава лезла из каждой трещины в бетонных плитах. На крыльце — прошлогодние листья, слежавшиеся в плотный, мокрый ковёр.

Егор поднялся первым. Ступенька прогнулась под ногой — опасный, ни к чёрту не годный деревянный настил. Он перешагнул через гнилую доску и оказался у двери.

И замер.

На двери висел лист бумаги.

Не просто приклеенный скотчем, как объявление о пропаже кошки. А опечатанный. Аккуратно, по-казённому. Белая полоска с чёткой чёрной печатью — круглой, страшной, ничего не значащей для постороннего, но для них говорящей всё.

Максим подошёл сзади, заглянул через плечо Егора.

— Опечатано, — сказал он тихо. Голос сел. Слова выходили сухими, шершавыми, как наждак.

Егор молчал. Смотрел на бумажку. На печать. На ровные, без единой ошибки буквы, которые не оставляли никакой надежды. Кто-то знал. Кто-то пришёл раньше. Кто-то переиграл их на этом поле.

Они переглянулись.

Посёлок молчал.

Только ветер шевелил бурьян у забора, да где-то далеко скрипел флюгер. Егор и Максим стояли у калитки, глядя друг на друга. В глазах Максима всё ещё плескался тот сырой ужас, но он уже брал себя в руки — дышал глубже, плечи расправлял.

— Уходим, — сказал Егор. Коротко. Как приказ.

Максим кивнул. И тут с противоположного конца улицы донёлся звук. Сначала тонкий, металлический — будто спица задела другую. Потом частое, дробное — цепь, велосипедная трансмиссия, торопливо перебирающая звёздочки.

Из-за поворота вылетел участковый.

В форме, в фуражке, на стареньком велосипеде с привязанной к багажнику папкой. Увидел их — и резко крутанул педалями. Велосипед вильнул, заскреб покрышкой по гравию, и участковый спрыгнул с него, даже не ставя на подножку. Рама глухо стукнулась об асфальт.

Он побежал. Придерживая фуражку растопыренной ладонью, припадая на правую ногу, но быстро. На удивление быстро.

— Стоять! — заорал он, ещё не добежав. — Стоять, я сказал! Не двигаться!

Голос сорвался на петуха, но в нём было что-то такое, отчего ноги сами вросли бы в землю, если бы Егор и Максим собирались бежать. Они не собирались.

Максим скосил глаза на Егора. Тот стоял, не шелохнувшись, глядя на приближающегося полицейского как на нелепый, но неизбежный природный катаклизм.

— Убираем и сваливаем, — тихо процедил Максим одними губами.

Егор не ответил.

Максим цокнул языком, покачал головой и добавил чуть громче, чтобы Егор точно услышал:

— Так-то бы всё хорошо. Но есть нюансик.

— Какой? — спросил Егор сквозь зубы.

Максим развёл руками, изображая искреннее недоумение, которое было наполовину настоящим, наполовину — привычной маской.

— А чё нам предъявить-то? Мы просто шли. Посмотреть на дверь красивую зашли. По закону не запрещено, если калитка была открыта, а дом похож на заброшенный. Может, мы блогеры-сталкеры. Привидения ищем.

Егор посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом. Потом перевёл глаза на участкового, который уже почти добежал.

— Ну смотри, — сказал он недовольно, глухо, с такой интонацией, будто соглашался на заведомо проигрышную сделку. — Дело твоё.

Участковый подлетел, запыхавшийся, красный, с выпученными глазами. Пальцы его шарили по поясной кобуре — старой, потёртой, с застёжкой, которая никак не хотела отщёлкиваться.

Он дёрнул раз. Дёрнул другой. Кобура наконец поддалась, и пистолет выскользнул как-то боком, неловко, будто не хотел участвовать в этом спектакле. Участковый перехватил его двумя руками, направил куда-то в сторону — то ли в них, то ли в небо, то ли в забор.

— Руки! — заорал он. Голос вибрировал, срывался на фальцет. — Руки за голову! И лежать! Всем на колени!

Максим тяжело выдохнул. Посмотрел на асфальт, посмотрел на свои колени, посмотрел на участкового — снизу вверх, хотя ростом был выше.

— Я на коленях лежать с детства не умею, — сказал он устало, почти по-дружески. — Я вот помню, один раз в школе пробовал, ну, да ладно, история совсем другая была.

Участковый дёрнул стволом. Пистолет в его руке ходил ходуном, как будто жил своей жизнью.

— Заткнись! — закричал он, и в голосе этом прорезалась такая сила отчаяния, что даже ветер притих. — Я сказал! Я застрелю тебя сейчас! Вы арестованы!

Егор смотрел на него. Спокойно. Даже не с вызовом — с тем особым, ледяным вниманием, каким смотрят на ребёнка, который размахивает игрушечным мечом и кричит, что он король.

— Арестовать может только суд, — сказал Егор ровно, почти ласково. — А вы можете, уважаемый полицейский, только задержать.

Участковый замер.

На его лице, мокрым от пота, отразилось всё сразу: злоба, испуг, унижение и какая-то дикая, нечеловеческая решимость что-то доказать. Себе. Им. Тому, кто сверху.

Он вскинул пистолет — коротко, резко — и нажал на спуск.

Выстрел хлестнул по ушам, разбил утреннюю тишину в клочья. Птицы за оврагом взмыли в небо. Где-то залаяла собака. Пуля ушла в небо — участковый целил вверх, но палец сорвался, дёрнулся, и выстрел получился злым, нервным, ненужным.

— Руки, я сказал, на виду держать! — заорал он, и в голосе этом уже не было ничего, кроме истерики.

Он сунул пистолет под мышку, дрожащей рукой выдернул из кармана телефон. Тыкал в экран трясущимися пальцами, промахивался, снова тыкал.

— Срочно мне СОБР сюда! — закричал он в трубку, ещё даже не дождавшись ответа. — Я их нашёл! Я их задержал! Быстро!

Схватил пистолет обратно — тот чуть не выскользнул из влажных пальцев.

— Заткнитесь, я сказал! — заорал он, хотя Егор и Максим молчали. — Хватит перебивать! Быстро мне сюда группу немедленного реагирования! Я задержал их! Которые документами этими банду всю взял!

Он говорил ещё что-то — сбивчиво, громко, с матом и срывами, но Егор уже не слушал. Он перевёл взгляд на Максима.

Максим стоял с полуприкрытыми глазами и чуть заметной улыбкой на губах. Улыбкой человека, который только что понял, что его план сработал — только не так, как он задумывал. Или как раз так.

Участковый наконец договорил, убрал телефон, перехватил пистолет покрепче.

— Сидеть, — сказал он. Уже не кричал. Тяжело дышал. — Оба. Моргнёте — стреляю.

Егор посмотрел на него. Спокойно. Долго.

И медленно, очень медленно, засунул руки за голову. Максим — следом, даже не вздохнув.

Так они и стояли посреди заросшей улицы: двое с руками за головами, участковый с дрожащим пистолетом, и где-то вдалеке, за поворотом, уже слышался приближающийся вой сирен.

В кабинете пахло пылью, старыми папками и чужим потом.

Следователь сидел напротив — мужчина лет сорока, с тяжелым подбородком и глазами, которые видели слишком много, чтобы удивляться. Он листал дело, не спеша, с какой-то нарочитой медлительностью, будто проверял нервы. Егор сидел на стуле, не прикованный, не запертый — просто сидел. Руки на коленях, спина прямая, взгляд в одну точку.

— Перед допросом, — сказал следователь, не поднимая головы, — вы можете сослаться на пятьдесят первую статью. Адвокат у вас будет по назначению или свой?

— У меня нет никаких адвокатов, — ответил Егор ровно. Помолчал, чуть склонил голову. — Да и зачем они мне?

Следователь поднял глаза. Посмотрел долго, с тем выражением, которое бывает у врача, когда пациент говорит, что у него ничего не болит, а анализы кричат об обратном.

— Так, Егор Владимирович, — сказал он и откинулся на спинку стула. Сцепил пальцы на животе. — Давайте я вам расскажу, как было дело.

И начал перечислять — сухо, по пунктам, как по бумажке, которую выучил наизусть.

— Вы закончили армию. Участвовали в военных действиях. Потом перешли в группу немедленного реагирования — СОБР. После вас увольняют по собственному. По сути — за жестокое обращение с людьми.

Он сделал паузу, но Егор молчал.

— Дальше вы начинаете как самозанятый. Приезжаете к нам и со своим другом, Максимом Юрьевичем, открываете нелегальный бизнес. Небольшой киоск, который у местных алкоголиков собирает паспорта. И даёт под процент деньги. Всё верно?

Егор почесал висок. Ногтем провёл по виску — раз, другой. Потом усмехнулся краем рта и сказал:

— Ну в целом да. Но с поправкой.

Следователь приподнял бровь.

— Какой ещё нелегальный бизнес? — Егор развёл руками — спокойно, без вызова. — Меня Максим как старый друг детства позвал к себе. Сказал: вот работа есть. Я как раз был безработный. Это я потом уже самозанятым стал.

Следователь щёлкнул ручкой, что-то пометил в бумагах.

— Самозанятость — инструктор по стрельбе. И что, много клиентов?

Егор посмотрел на него. Взгляд был усталый, тяжёлый, без той ледяной остроты, которая чувствовалась на улице.

— Ну если на заработках, — сказал он негромко, — то не так уж и много.

Следователь кивнул, будто ожидал этого ответа. Отложил ручку, сложил руки на столе.

— То есть ваш друг открыл бизнес, как я указал, нелегальный. Вы давали деньги под процент, а в залог брали паспорт. Никак не оформившись, нигде не зарегистрировавшись. А потом скрылись.

Егор молчал. Смотрел на следователя — не отводя глаз, но и не вглядываясь. Просто ждал.

— И при чём здесь я? — спросил он наконец тихо. Голос сел — сказала бессонная ночь. — То есть меня друг позвал на работу. Я что, простите, должен юристом быть или бухгалтером? Знать — легальный или нелегальный бизнес? Мне предложили: давай деньги в залог, что-то брать. Я вёл учёт и делал свою работу.

Следователь слушал, не перебивая. Только пальцы его постукивали по столу — тихо, нервно, едва слышно.

— А что было потом? — спросил следователь.

Егор пожал плечами.

— Потом Максим сказал, что успешно продал эту точку. И мне можно не выходить на работу. Мы продолжили с ним кутить, дружить и общаться. И я даже не вникал, кому и что он это продал. Мне это абсолютно не важно.

Следователь помолчал. Потом медленно подался вперёд, опираясь локтями о стол, и уставился на Егора в упор — так, будто хотел залезть ему под кожу, в самое нутро.

— Вот, — сказал он. Голос стал ниже, почти доверительным. — Вот у меня вопрос есть один в голове. И прям не вяжется он с не чем.

Он достал из папки лист, положил перед собой, но читать не стал. Только придавил пальцем.

— После того, как вы пропали, люди приходили за своими паспортами. Киоск вы взяли этот — будку, и просто исчезли. Не забрав долги. А все паспорта нашли внутри помещения. — Он поднял глаза. — Значит, вы занимались мошенничеством.

Тишина повисла тяжёлая, душная. Где-то за стеной зазвонил телефон, слышались шаги, хлопнула дверь — но здесь, в этом кабинете, время остановилось.

Егор смотрел на следователя. Устало. С такой бесконечной, всеобъемлющей усталостью, будто сидел на этом стуле не час, а несколько лет.

— Если есть возможность предъявить мне обвинение, — сказал он ровно, почти без интонации, — предъявляйте. Если нет, я, наверное, возьму, как вы советовали в начале, пять-

десят первую и не буду свидетельствовать против себя, потому что вы на меня, уважаемый, очень сильно давите.

Следователь бросил ручку.

Не положил, не отложил — бросил. Пластмасса глухо стукнула о стол, подскочила, описала дугу и улетела куда-то в сторону, к стене. Он даже не посмотрел, куда.

— Увести, — крикнул он. Голос сорвался — не от злости, от усталости, которая навалилась вдруг, как бетонная плита.

Дверь открылась. Вошёл конвойный — молодой, с цепкими глазами и лицом, которое уже ничего не выражало.

— Руки за спину, — сказал он Егору. — Лицом к стене.

Егор поднялся. Медленно. Без спешки. Повернулся, приложил ладони к холодной штукатурке. Наручники щёлкнули — сухо, привычно, как защёлкивается ремень безопасности. Конвойный взял его под локоть и вывел в коридор.

Дверь закрылась.

В кабинете стало тихо.

Следователь постоял секунду, глядя в пустой стул, потом открыл шкафчик. Достал бутылку — мутное стекло, этикетка потрёпанная. И гранёный стакан. Тот самый, с советских времён, с толстым дном и пузатыми боками.

Налил. Не спеша. До половины.

В этот момент дверь приоткрылась. В щель просунулась голова — молодой следователь, лет тридцати, с живыми глазами и лёгкой небритостью.

— Слушай, — сказал он шёпотом, хотя в коридоре никого не было. — Можешь на минутку? Не занят?

Он заметил стакан, потом перевёл взгляд на пустой стул и прищурился.

— О, а ты чё, уже второго отпустил?

Следователь махнул рукой. Не глядя. Поднял стакан, глотнул, поморщился.

— Ой, — сказал он с чувством, — тот ещё гадёныш.

Поставил стакан, повернулся к коллеге.

— Что у тебя?

Молодой вошёл, притворил за собой дверь. Встал у стола, переминаясь с ноги на ногу, и вдруг ухмыльнулся — виновато, но с каким-то внутренним весельем.

— Да смех и грех, — сказал он. — Веду допрос, спрашиваю. И тут он начинает... видно, какую-то чушь несёт. Но думаю — издевается. Начинаю давить. Говорю — пиши чистосердечное, зачтётся.

Он протянул листок.

Следователь взял, поднёс к глазам. Читал молча. Брови его поднимались всё выше, пока не упёрлись в лысину.

На листке было написано размашистым, почти каллиграфическим почерком:

«Я, Эрнесто Че Гевара, обязуюсь в кратчайшие сроки облизывать семечки после голубей, которые не достигли 47 лет от Рождества Христова вплоть до 1959 года. Славься, Царь Горох, или Пугачёва!»

Следователь прочитал ещё раз. Потом поднял глаза.

— Он что, дурак, что ли?

Молодой развёл руками.

— Я то же самое спросил. Говорю: ты дурак? А он мне отвечает: у меня и справка есть, только я её засунул в попу, и где-то, извините пожалуйста, просрал.

Следователь замер с открытым ртом.

— И называет мне поликлинику, где прикреплён, — продолжил молодой. — Ну я позвонил. Действительно, есть такой. Но оказалось — тупик какой-то. — Он вздохнул, потёр пере-

носицу. — Ну в общем, официальный запрос отправили. Будем выяснять — дурак он или притворяется.

Он помолчал. Добавил тише:

— Но предварительно, конечно, сообщили, что у него шизофрения.

Следователь поставил стакан. Посмотрел на листок, потом на дверь, за которой только что вывели Егора. Потом снова на листок.

— Дурдом, — сказал он устало. — Дурдом на колёсах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.